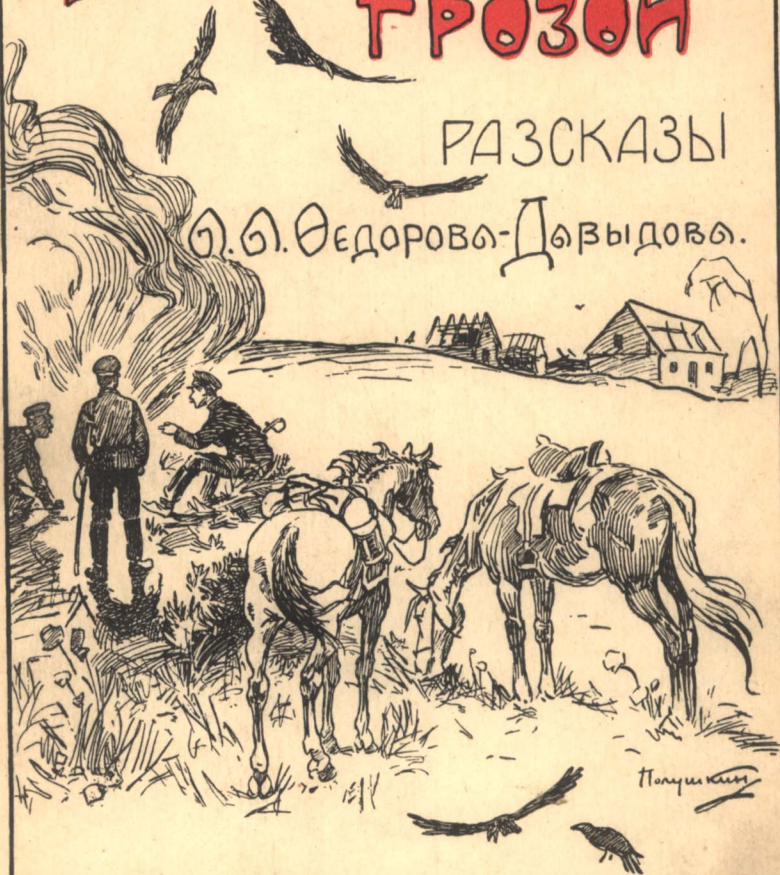

2535 / 1415

ПОДЪ БОЕВОЙ ГРОЗОЙ

РАЗСКАЗЫ

О.О. Федорова-Давыдова.

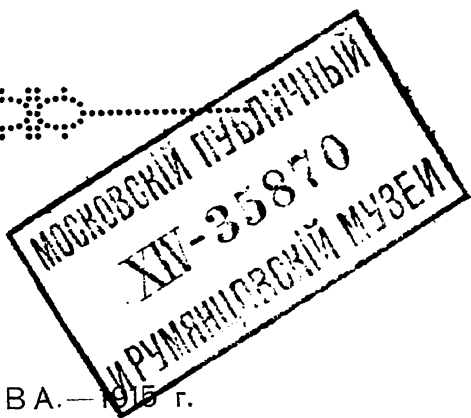

А. Оедоровъ-Давыдовъ.

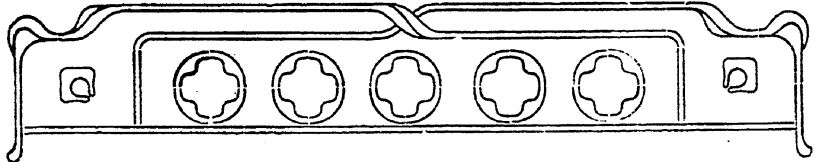
ПОДЪ БОЕВОЙ ГРОЗОЙ.

РАЗСКАЗЫ И ОЧЕРКИ.

СЪ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

МОСКВА.—1915 г.

М А Т Ъ.

I.

БЫЛА Лукерья на богомольѣ; сподобилъ ее Богъ въ Кіевѣ побывать, душу облегчить молитвой; накупила она тамъ образковъ, масла „свѣчаго“, крестиковъ,— и пошла домой съ богомольцами черезъ поля, лѣса, холмы и доли. Идетъ полями широкими,—кругомъ народъ на поляхъ радѣетъ,—и бабы, и дѣвушки, и ребята-малолѣтки—все за работой. Кто жнетъ да снопы вяжетъ, кто снопы въ крестцы кладетъ. Только диковинно Лукерѣ, что мужиковъ мало на поляхъ видать: все бабы да ребята малые, либо старики древніе... Что за притча?.. И какъ завидѣла Лукерья работу спѣшную,—сердце-то у нея и отревожилось. То все—ничего было, спокойно было за молитвой, — а какъ

увидала, что народъ на работу вышелъ,—такъ и не сдержатъ сердца. Вотъ бы взяла да и полетѣла бы, и полетѣла туда, къ своимъ, могла бы имъ по силѣ-возможности... Все ли по добру у нихъ тамъ?..

И другія богомолки идутъ съ ней и дивуются:

— Чтой-то, бабоньки, мужиковъ въ полѣ мало видать?.. Съ чего бы это?..

Къ тому, къ другому въ полѣ толкнулись,— а тѣ и говорятъ:

— Да вы отколь бредете-то, старицы Божіи?.. Али не знаете: кликнули тутъ кличъ,—наши мужики и пошли въ городъ...

— А почто такъ?

— Почто?.. Война, слышь,—такъ на войну народъ и созываютъ, и тѣхъ, которые помоложе, и которые въ запасѣ были...

У Лукерьи такъ сердце и замерло, и ноги подкосились. Мутно въ глазахъ-то стало,—ничего не видать изъ-за слезъ непрощенныхъ... „И Сенюшку, значить, и Васютку, поди, забрали... Одинъ запасной, а другому года вышли. Старшаго-то, сына, Петра, давно забраковали, и въ Питерѣ онъ теперь сколько лѣтъ пропадаетъ, а за него младшимъ итти надо!..

И не можетъ Лукерья терпѣть больше... Вотъ

такъ бы птицейъ туда и полетѣла бы,—хоть бы напоследокъ Сеню и Васютку благословить, попрощаться... Ихъ, можетъ, Господь упасетъ, а ей ихъ все равно не дождаться,—года такіе!..

Достала Лукерья платокъ, гдѣ въ уголкѣ деньги завязаны были. Пересчитала деньги: выходить,—на чугунокъ можно бы доѣхать.

— Далеко ли до чугунки?—спрашиваетъ.

— Недалеча,—говорятъ,—да нечего зря итти на чугунку: все равно не посадятъ,—потому поѣзда подъ солдатъ взяли...

Ничего не сказала Лукерья,—собралась съ духомъ и пошла путемъ-дорогой скорымъ-скоренько: „Донеси только, Господи, до дому!..“

II.

Уже сѣвъъ начали, какъ вернулась домой Лукерья. И тутъ печали увидѣла не мало,—а было чему и порадоваться.

Первое дѣло, чуть что не со всякаго двора—у кого отца, у кого мужа, у кого брата призвали въ войска,—и пусто, вовсе пусто на деревнѣ стало... А другое дѣло,—всѣ какъ-то дружныѣ и ласковыѣ стали. Словно одна семья,—всѣ въ ку-чечкѣ. Сообща и горюють, сообща и всю работу

на поляхъ справляютъ. Лёнькина ли полоска, Грпшкинъ ли косякъ, Васенныхъ ли добро,— у всѣхъ къ ряду хлѣбъ убираютъ, словно свой, и считается работой не думаютъ...

— Ушли за насъ воевать ратнички Божіи,— ужли же намъ ихъ дѣтямъ-малолѣткамъ не подсобить!..

Такъ міромъ всѣ и работаютъ!..

Не застала Лукерья и своихъ дѣтей,—ушли они вмѣстѣ съ другими съ недѣлю тому назадъ...

Сильна была духомъ Лукерья. Вынесла испытаніе Господне,—не возроптала, а собрала, что было, муки, напекла лепешекъ да колобашекъ, уклала въ мѣшокъ, забрала какія деньги были и собралась въ путь-дорогу.

— Куда, бабушка Лукерья? — спрашиваютъ старуху.

— А въ Москву, господа честные... Сынковъ повидать, попрощаться съ ними да благословить. Чай, не увижу ужъ ихъ больше,—года-то моп не молодые!..

— Да гдѣ же ты ихъ тамъ разыщешь? — дивятся на нее.

— Ну, поди, люди добрые укажутъ... Я что жъ,—только благословить да попрощаться... А вернусь,—вамъ подсоблять буду!..

— Да ты подожди,—можетъ, они вѣсточку тебѣ пришлютъ.

— Куда тамъ ждать, родимые. Этакое ли время нонче!..

И пошла въ путь-дорогу Лукерья,—идеть торопко, устали не знаетъ. Время-то не ждетъ. И все ей кажется,—придетъ на Москву, войско царское разыщетъ да вызоветъ къ себѣ Сеню съ Васей. Хоть разочекъ бы на нихъ посмотрѣть только!.. Она и до царя дойдетъ, ради такого дѣла...

Добрела Лукерья до Москвы еле-еле... Не ближній свѣтъ, да и силы не тѣ, что прежде были: ноги-то словно чужія теперь,—не больно ее слушаться стали!..

На постояломъ остановилась, пошла по городу,—и тутъ сразу духомъ упала... Народу, народу вездѣ—пропасть,—и туда, и сюда бредутъ и ѣдутъ,—и никому-то до тебя дѣла нѣтъ, и ни отъ кого толку не добиться!.. А крику, а гаму,—въ ушахъ звенить.

Стоить Лукерья посреди площади,—вся съезжилась и сквозь слезы по сторонамъ поглядываетъ.

— Ну, Москва!.. Точно,—деревня большая!..

Тутъ одинъ къ ней подошелъ, другой...

— Что ты, бабушка, на мѣстѣ топчешься?.. Задавятъ тебя тутъ!.. Куда тебѣ надобно?.

— А къ войску Россійскому... Гдѣ солдаты-то стоятъ, кормилецъ?..

— Какіе солдаты?..

— А извѣстно, царевы ратнички...

Не понимаютъ люди...

— Какого полка-то, бабушка? Али въ какихъ казармахъ стоятъ?..

— А кто жъ ихъ знаетъ, родимый... Сыночковъ-двоешекъ у меня взяли, какъ я на богомольѣ была, да сказываютъ,—увезли сюда, стало быть, на Москву... Я вотъ ихъ провѣдать и пришла,—попрощаться, значить, да благословить...

Качаютъ люди головами:

— Ну, бабушка, мудроно будетъ тебѣ ихъ отыскать. По разнымъ городамъ солдатъ-то высылаютъ...

— По ра-азнымъ?.. Вонъ оно что!..

И задумалась Лукерья. На глазахъ-то—слезы,—не сама плачетъ, сердце материнское слезами горькими исходитъ... Подумала, подумала и словно про себя сказала раздумчиво:

— Воля-то Господняя что значить!..

И вздохнула глубоко-глубоко. А потомъ и спрашиваетъ:

— А гдѣ тутъ солдаты-то поблизости стоятъ?

— А вонъ, говорятъ, домъ большой,—учили-

ще... Тутъ они на стоянкѣ и стоятъ, своей очереди дожидаются...

Перешла Лукерья площадь, подошла къ рѣшеткѣ, что вокругъ двора шла,—и точно: сидятъ солдаты кругомъ—и у воротъ, и у рѣшетки. Кто вещи свои носить съ подводы, кто другъ съ другомъ разговоры ведетъ.

Подошла Лукерья къ солдатамъ:

— Голубчики, соколики мои... Вы на войну, что ли?..

Оглянуль старуху молодой солдатъ.

— На войну, бабушка... А тебѣ что? Али кого надо?..

— Надо, соколикъ,—сынковъ своихъ провѣдать пришла!..

И сейчасъ же двое-трое солдатъ еще подошли, окружили Лукерью.

— Тебѣ, мамаша, сына вызвать? А фамилія какъ? Я сейчасъ добѣгу, коли что?..

Заморгала глазами Лукерья, смахнула слезы, и говорить:

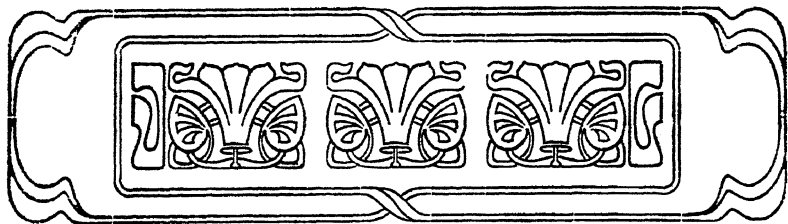
— Ужъ гдѣ тамъ, родимые, отыскать ихъ?.. Благослови ихъ Господь и безъ меня... А у васъ, чай, матери-то по деревнямъ остались... Вотъ... Такъ я въ родѣ, какъ мать—замѣсто ихъ васъ провѣдать пришла!.. На-ко, вотъ...

И стала Лукерья дрожащими руками развязывать мѣшокъ,—стала вынимать изъ мѣшка лепешки да колобашки и солдатамъ передавать. И кто ни возьметъ у нея лепешку,—отвернется въ сторону, ладонью по глазамъ проведетъ и перекрестится... И тихо-тихо кругомъ: всѣ словно притаились и ждутъ чего. Ни шутокъ, ни смѣха не слышать.

Опростала мѣшокъ Лукерья, поклонилась солдатамъ, перекрестилась дрожащей рукой.

— Ну... и благослови васъ, Господь, сыночки. А Сенюшку съ Васяткой, можетъ, кто изъ вашихъ и безъ меня благословить... Материнское-то благословеніе Богу угодно...

РАНЕНЫЙ.

ДЯДЯ Оедя былъ штабсъ-капитанъ въ отставку и, несмотря на то, что ему было уже за 60 лѣтъ, — всегда страшно увлекался войной. А когда начались военные дѣйствія, — его узнать нельзя было: цѣлые дни читаетъ газеты, возится съ картами, чертитъ какіе-то мудреные планы.

Своему маленькому племяннику, Котѣ, который всегда съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на „дядю капитана“, старикъ подарилъ больше дюжины коробочекъ съ оловянными солдатиками и сказалъ:

— Ну, вотъ, теперь мы съ тобой можемъ дѣлать примѣрныя расположенія войскъ и производить бѣтвы...

Котя ужасно обрадовался,—но мама была недовольна.

— Къ чему ты это дѣлаешь, Одея?—сказала она брату,—ну, что хорошаго для Коти?

— Нелзя, нелзя, матушка,—рѣзко сказалъ дядя Одея,—Котя долженъ быть настоящимъ мужчиной, а не бабой-кислятиной... Я его приучу, какъ въ военномъ дѣлѣ обращаться слѣдуетъ... Мы съ нимъ и воевать еще будемъ. Да!..

Но мама долго спорила и, въ концѣ концовъ, настояла на томъ, чтобы Котя только разстанавливалъ солдатиковъ.

— Прошу тебя, пожалуйста, Одея,—серьезно сказала она,—чтобы никакихъ сраженій у васъ не происходило. Я этого не хочу и я требую этого!..

— Ну, матушка, я не мальчишка, чтобы мнѣ въ игрушки играть,—угрюмо сказалъ дядя Одея, теребя сѣдой усъ и обидчиво отвернувшись въ сторону.—Ты бы ужъ Котю дѣвчонкой нарядила... Хорошъ будетъ мужчина, нечего сказать...

Дядя обидѣлся даже на Котю, которому онъ хотѣлъ показать свои знанія и блеснуть широкой освѣдомленностью въ боевомъ дѣлѣ.

Котя уныло разставлялъ солдатиковъ на окнѣ, тщетно стараясь вовлечь дядю въ игру. Но дядя

дѣлалъ видъ, что онъ совсѣмъ не замѣчаетъ племянника. И когда Котя начиналъ ходить по пятамъ за нимъ и приставать къ нему,—дядя отрывисто замѣчалъ:

— Играй, какъ знаешь. Мнѣ какое дѣло. А лучше попроси маму купить себѣ куклу, и играй съ ней на здоровье!..

Однако, какъ-то разъ, прочитавъ въ газетѣ о какой-то молодецкой схваткѣ, дядя Федя не выдержалъ и сталъ съ жаромъ объяснять Котѣ общее положеніе дѣла.

Мамы, кстати, не было дома,—она уѣхала куда-то надолго, и дядя Федя могъ разглагольствовать вволю.

— Да вотъ что!..—воскликнулъ, въ концѣ концовъ, дядя Федя,—тащи сюда своихъ солдатиковъ, — мы сейчасъ возстановимъ всю эту битву...

Котя въ восторгѣ бросился за солдатиками, и, нѣсколько минутъ спустя, дядя съ племянникомъ уже полулежали на полу и распоряжались разными арміями—и русскими, и союзными, и австрійскими, и германскими...

Въ пылу сраженія и обходныхъ движеній они ничего не слышали и не замѣчали, и сами были захвачены врасплохъ...

II.

Мама неожиданно вернулась домой раньше обыкновеннаго и застала обоихъ злоумышленниковъ на мѣстѣ преступленія.

Она очень разсердилась, но сдержала себя и только съ укоромъ сказала:

— Ну, не стыдно ли тебѣ, братъ? Я вѣдь просила, кажется. А ты, точно маленькій, тайкомъ дѣлаешь то, что меня беспокоить...

„Сраженія“ были запрещены строго и категорически.

И Котя, и дядя Бедя надулись на маму и ходили мрачные, словно въ воду опущенные, стараясь этимъ подчеркнуть мамѣ свое неудовольствіе.

Мама долго старалась не обращать на это вниманія, наконецъ, не выдержала и сказала:

— Ну, хорошо. Дѣлайте, какъ знаете... Я не хочу приневоливать никого. Хорошо, когда дѣлается отъ чистаго сердца, а не изъ-подъ палки... Я ненавижу войну, я боюсь одного этого слова,—но вы съ Котей—какъ хотите... Я знаю,—чѣмъ больше запрещаешь, тѣмъ выходитъ хуже!..

Такимъ образомъ разрѣшеніе было дано,—и дядя съ Котей могли теперь воевать, сколько имъ угодно. Въ тотъ же вечеръ на полу дѣтской

было устроено сраженіе по всѣмъ правиламъ военной науки, и о немъ говорили долго послѣ того за вечернимъ чаемъ.

— Я, мама, у дяди лѣвый флангъ обошелъ и скамейку опрокинулъ. А у него на скамейкѣ три полка стояли въ резервѣ... А потомъ я перебилъ у дяди цѣлый полкъ въ центрѣ!..—разсказывалъ Котя, и глаза его сверкали удалю, все лицо его горѣло отъ волненія.

Мама не выдержала. Она была поражена и видомъ Коти, и его словами, и не могла сдерживать своей досады... .

— Ну, что, братъ, этого ты добивался? Этого?—съ укоромъ и горечью сказала она.

Дядя Федя угрюмо молчалъ, глядя въ сторону, и смущенно теребилъ усъ дрожащей рукой.

— Ну, скажи мнѣ, Котя, мой милый мальчикъ,—все съ той же горячностью обратилась мама къ смущенному мальчику,—неужели же тебѣ не страшно было играть такъ?..

Котя молчалъ, глядя себѣ на ноги и теребя пуговицы.

— Нельзя играть войной, какъ нельзя играть святыней. Понимаешь ли ты это?..

Котя упорно молчалъ, и по его равнодушно-

му, скучающему лицу она ясно видѣла, что слова ея не трогаютъ его нисколько...

— Долгъ cadaго — защищать свою страну, заступаться за слабыхъ, — великій долгъ, тяжелый подвигъ, и такъ легко на это смотрѣть грѣшно!..

Котя не проронилъ ни слова; дядя отвернулся къ окну и барабанилъ пальцами по стеклу...

Мама больше ничего не сказала, но на щекахъ ея проступили красныя пятна. Руки ея дрожали, и на глазахъ сверкали слезы.

— Это ужасъ, что такое!.. Какъ они не могутъ понять этого!.. — словно про себя прошептала она и вышла изъ комнаты.

III.

Между дядей Бедей и Котей было рѣшено — ни въ какомъ случаѣ не беспокоить больше маму и играть въ солдатики осмотрительно, чтобы только она не заставляла ихъ за этимъ занятіемъ, а главное — ничего не рассказывать ей о блестящихъ побѣдахъ или пораженіяхъ...

Мама теперь уѣзжала изъ дому на цѣлые дни въ одинъ изъ комитетовъ помощи раненымъ, и дядя Бедя съ Котей чувствовали себя совершенно свободными. И вотъ снова начались сраженія, обходы фланговъ, побѣды, пораженія;

опять полетѣли кедровые орѣшки, вмѣсто пуль,— и Котя равнодушно смотрѣлъ, какъ падали оловянные солдатики отъ мѣткихъ выстрѣловъ.

Какъ-то разъ Котя только что сталъ одерживать побѣду надъ войсками дяди Оеда и готовился уже взять штурмомъ знаменитую скамейку, съ резервами, какъ вдругъ дверь въ дѣтскую съ шумомъ распахнулась, и къ нимъ ураганомъ ворвалась горничная Палаша и прерывающимся отъ волненія голосомъ крикнула:

— Идите скорѣйча!.. Къ нянѣ Аѳимѣ сына съ войны привезли... Худой весь, въ ногу сильно раненъ и въ голову!.. Жаль его сердечнаго!..

Котя тотчасъ же бросился въ кухню, а за нимъ заковылялъ и дядя Оеда. Нянинаго сына ждали со дня на день, потому что онъ написалъ имъ письмо, что скоро пріѣдетъ, и мама заранѣе распорядилась приготовить ему помѣщеніе около кухни.

На широкой койкѣ, около окна, въ небольшой комнатѣ лежалъ раненый—молодой парень, съ русой бородкой, съ лицомъ—блѣднымъ, какъ воскъ, которое на половину было скрыто подъ бинтами, окутывавшими его голову.

Руки его худыя-худыя, бѣлыя, почти прозрачныя, съ тонкими, синими жилками, непо-

движно покоились на груди, выпростанные изъ-подъ одѣяла.

Больной дышалъ тяжело, порывисто и, морщась отъ боли, изрѣдка стоналъ. Онъ, видимо, очень усталъ отъ долгаго переѣзда, во время котораго его сильно растревожили.

И это былъ тотъ Василій силачъ, весельчакъ, который на одной рукѣ могъ носить Котю, подбрасывать его къ потолку и ловить на лету?!

Котя чувствовалъ, что слезы подступаютъ у него къ самому горлу, и сердце у него до боли сжималось отъ жалости...

Василій лежалъ такой серьезный, строгій, величественный, что Котя сразу почувствовалъ къ нему глубокое уваженіе, какую-то робость передъ нимъ...

— Ему нуженъ отдыхъ,—сказалъ фельдшеръ, присутствовавшій при этомъ,—такъ вы его не беспокойте вопросами, оставьте его пока!..

И всѣ покорно, сейчасъ же, на цыпочкахъ вышли изъ комнаты...

И все словно перевернулось въ душѣ у Коти: ему за раненаго Василя словно самому было больно—и голову, и ногу, и грудь ломило. Куда бы онъ ни пошелъ, чтобы онъ ни начиналъ дѣлать,—образъ раненаго Василя стоялъ передъ его глазами...

Въ первый разъ воочію, лицомъ къ лицу, увидѣлъ Котя само страданіе; въ первый разъ слышалъ онъ своими ушами только единый звукъ вымученнаго болью стона изъ этой мощной груди,—и ужасъ, и оторопь какая-то охватили все его существо, и онъ, стискивая молитвенно руки, шепталъ:

— Господи!.. Господи!.. Что же это такое?..

Ему было страшно чего-то, какъ-будто онъ ясно чувствовалъ, что это страшное „что-то“ надвигается на него самого и грозитъ ему задавить собой...

Никогда еще Котя не ждалъ съ такой жаждой и нетерпѣніемъ маму, чтобы около нея, прижавшись къ ней всѣмъ тѣломъ, отряхнуть съ себя тяжелое впечатлѣніе, кошмаромъ давившее его...

Онъ и въ дѣтской не могъ оставаться долго, гдѣ одинъ видъ разбросанныхъ повсюду оловянныхъ солдатиковъ пугалъ его и заставлялъ нервно вздрагивать и ежиться, какъ отъ холода.

Онъ избѣгалъ встрѣчаться взглядами съ дядей Ѳедей и понималъ, что и самъ дядя Ѳедей избѣгаетъ этого...

Выходило такъ, какъ-будто они оба совершили какое-то преступленіе, какъ-будто они были виноваты въ чемъ; будто они оскорбили какое-

то священное чувство и виноваты даже передъ Васи́ліемъ... И теперь они оба не могли безъ содроганія вспомнить свои „побѣды“, свои „сраженія“.

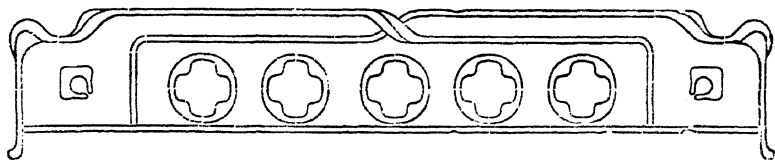
Величіе человѣческаго страданія, величіе смерти грознымъ призракомъ, казалось, тяготѣло надъ ними и заставляло ихъ совѣсть мучиться тѣмъ, что они могли такъ легко смотрѣть на такое великое дѣло, какъ страданіе человѣка, исполняющаго свой долгъ...

И когда пріѣхала мама, и Котя бросился къ ней и зарылся лицомъ въ ея платъѣ, пряча отъ нея глаза, пряча слезы, сами собой вырывавшіяся изъ его чистаго, нетронутаго сердца, — она поняла все.

Она поняла, какой серьезный переворотъ произошелъ въ душѣ ея мальчика, — и произошелъ самъ собой, и увидѣла, что въ немъ пробуждается „человѣкъ“, а значитъ — сама любовь и состраданіе...

Ни намека на прошлое, ни лишняго слова не сказала она ему. Такія чувства понимаются сами собой, молча, самой душой...

ВЕЛИКІЕ ДНИ.

I.

НЕКОЛЬКО дней уже Ната чувствовала, что у нихъ въ домѣ происходитъ что-то странное,—все не такъ, какъ обыкновенно. Всѣ взрослые взволнованы, лица у всѣхъ тревожныя. Мама часто плачетъ, а папа пропадаетъ по цѣлымъ днямъ и пріѣзжаетъ только вечеромъ. Няня угрюмо молчитъ и на всѣ вопросы Наты отмалчивается, либо отвернется, вздохнетъ глубоко-глубоко и скажетъ:

— Божіе произволеніе, Наточка,—ничего не подѣлаешь!..

Наконецъ, какъ-то папа пріѣхалъ въ такомъ видѣ, что Ната его сразу не узнала,—испугалась и забилась подъ столъ. Папа былъ въ какомъ-то странномъ мундирѣ, съ саблей,—а Ната никогда не могла вообразить его въ такомъ видѣ. Со-всѣмъ, какъ оловянный солдатикъ у брата Вити...

Она бросилась къ мамѣ, прижалась къ ней,— а мама обняла ее и нѣжно поцѣловала.

— Мама... Кто это?..

— Ахъ, Наточка, да развѣ ты не узнала папу?..

И тутъ папа съ трудомъ улыбнулся и сказалъ нѣжно-нѣжно:

— Натюкъ!.. Милая!.. Да что ты? Какъ же ты не узнала меня?..

Онъ обнялъ ее, а она все еще дичилась его и боялась прижаться къ нему, какъ прижималась къ нему, бывало, раньше...

Потомъ Ната узнала страшную вѣсть, что папа завтра уѣзжаетъ отъ нихъ далеко и больше не будетъ съ ними. А ѣдетъ онъ на войну... И когда мама сказала это,—то не вытерпѣла и заплакала, и Ната заплакала. А папа обнялъ ихъ и сказалъ:

— Полно, не плачьте... Богъ милостивъ. Повоюю и вернусь!..

Онъ сказалъ это такъ бодро и весело, что Ната ему повѣрила и сразу успокоилась...

На другой день она проснулась довольно поздно, одѣлась поскорѣе и выбѣжала въ столовую, повидать папу... Странно, что никто ея не

разбудить, — вѣдь мама не любитъ, когда она долго лежитъ въ постели.

Въ столовой она застала маму.

— Мама, а гдѣ папочка?..

Мама отвернулась и вытерла глаза...

— Онъ уѣхалъ, Ната!.. — сказала она. — Но онъ, вѣрно, скоро вернется... Да не плачь, не горюй... Это ничего.

И тутъ Ната почувствовала, что что-то словно оборвалось у нея въ сердцѣ; ноги у нея похолодѣли и стали слабыми, а глаза застлали слезы...

Ей стало жутко, страшно и въ первый разъ она поняла, что такое значить страхъ...

Мама обняла ее, усадила къ себѣ на колѣни и стала говорить съ ней особенно ласково и нѣжно...

— Молись Богу, Наточка, и все будетъ хорошо, — говорила мама. — Что дѣлать? Видно, такое горе — общее для всѣхъ: каждый долженъ смириться и выполнить свой великій долгъ... И папа долженъ, и я должна, и много-много другихъ людей — тоже... Одинъ для другихъ, и всѣ для одного должны трудиться, пожертвовать всѣмъ, чѣмъ только можно...

Глаза засверкали у Наты...

— Мама! я тоже хочу сдѣлать...

— Что такое, Ната?

— А вотъ исполнить...—смутилась Ната,— какъ это ты сказала?..

— Исполнить долгъ?..—сквозь слезы спросила мама...

— Ну, да, и только сейчасъ, сію минуту...

Мама обняла ее и сказала:

— Хорошо, моя милая, славная дѣточка... Мы объ этомъ потомъ поговоримъ съ тобой... А теперь успокойся и поди къ себѣ,— займись чѣмъ-нибудь...

II.

Ната покорно пошла въ дѣтскую, отчасти потому, что отъ мамы она не добилаь никакого толку и мало поняла, что та хотѣла ей сказать,— и ей хотѣлось поговорить обо всемъ съ няней.

Няня теперь уже не скрытничала и живо объяснила Натѣ все дѣло...

— Съ нѣмцемъ пошелъ папочка твой воевать, Наточка... Потому нѣмецъ нашу землю отнимать хочетъ, народъ тѣснить, бьетъ и убиваетъ солдатъ... Ну, его угомонить и надо...

Теперь Ната поняла все сразу, но ей опять стало страшно.

— Няня, а если и папу...—начала она, было; но няня ее остановила, словно поняла, что она думала, и сказала:

— Богъ милостивъ... Убережетъ Господь папу твоего... Ты молись Богу,—Онъ милостивъ... А молитва твоя до Бога доходчива...

— Няня!—рѣшительно сказала Ната.—я тоже хочу туда, за папой!

Няня только головой покачала.

— Съ нѣмцемъ воевать?.. Что ты, Наточка...

— Я папѣ помочь хочу!..

— Ну, что жъ... Помогать всячески можно, не только что дракой одной!..—серьезно сказала няня.—Погоди малость,—ужо мама надумаетъ, какъ намъ съ тобой на войнѣ помогать!..

Глаза сверкнули у Наты отъ радости.

— Правда, няня?.. Правду ты говоришь?..

И она бурно бросилась обнимать и тормошить няню.

— Ахъ, няня, только бы поскорѣ!.. Только бы сегодня!..

— Ишь, ты—приткая какая!.. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается; такъ-то!..

III.

Няня вышла на кухню, а Ната бросилась отыскивать брата Витю.

Она нашла его у папы въ кабинетѣ.

Онъ сидѣлъ на полу и разставлялъ рядами своихъ любимыхъ оловянныхъ солдатиковъ. Увидѣвъ это, Ната бросилась къ нему, смѣшала въ кучу солдатиковъ и нервно крикнула:

— Не надо... не надо!.. Слышишь, Витя?.. Не надо играть такъ... оставь!.. Ну, милый, ну, голубчикъ, Витечка!.. Ну, я прошу тебя!..

Витя хотѣлъ, было, скривить ротъ, чтобы разрыдаться на весь домъ; но Ната обняла его и стала такъ нѣжно гладить по головѣ, что Витя раздумалъ плакать и только спросилъ:

— Ты сама хочешь играть?..

Ната быстро собрала солдатиковъ, уложила ихъ въ коробку и сказала:

— Оставь ихъ въ покоѣ; пойдѣмъ ко мнѣ,—я тебѣ покажу одну вещь...

Витя покорно пошелъ за сестрой. Онъ былъ моложе ея на два года и во всемъ подчинялся ей.

Ната привела его къ себѣ въ комнату, подвела къ шкапу, гдѣ на одной полкѣ стояло стадо и большая картонная кукла, которую дѣти звали „нѣмцемъ“.

— Вотъ, Витя,—сказала Ната, кто обидѣлъ нашего папу и маму и насъ тоже, и всѣхъ!..

Витя вытаращилъ глаза, ничего не понимая...

— Ну, да, онъ сдѣлалъ папѣ бо-бо!..

Витя сразу все понялъ и вскипѣлъ: размахнулся ручонкой и ударилъ „нѣмца“ такъ, что тотъ свалился на полъ...

Натѣ вдругъ стало совѣстно и больно.

— Нѣтъ, Витя не надо такъ... — сказала она.—Я не то хотѣла сказать. Няня говоритъ,— намъ не надо драться... А мы можемъ помогать папѣ... Хочешь, Витя... Хочешь помогать?..

— Хочу,—отозвался Витя, ничего не понимая, чего отъ него хочетъ сестра.

— Ну, вотъ и отлично,—сказала Ната, какъ большая, цѣлуя Витю.—А теперь будь умникомъ,—возьми мое стадо или звѣринецъ и играй. А солдатиковъ оставь въ покоѣ...

Это было для Вити необычайнымъ счастьемъ. До сихъ поръ онъ не смѣлъ прикасаться къ игрушкамъ Наты,—и вдругъ она сама предлагаетъ ему такое счастье...

Онъ тотчасъ же усѣлся на полъ и занялся стадомъ. А Ната подняла „нѣмца“, завернула его въ бумагу и засунула на самую нижнюю полку, въ самый уголъ.

„Пускай лежитъ тамъ,—подумала она,—обижать я его не хочу и не буду; но и играть съ нимъ не желаю, какъ ужъ ему угодно!“...

IV.

Мамы не было дома весь день, и Ната скучала, какъ никогда. Они съ Витей обѣдали одни, и въ этотъ день вели себя тихо и покорно, такъ что няня даже удивилась и исполнилась необычайной нѣжности къ нимъ.

Ната даже замѣтила, что няня раза два вытирала глаза передникомъ и каждый разъ, проходя мимо Наты, ласково гладила ее по головѣ...

Только вечеромъ вернулась мама. Какъ обрадовалась ей Ната!.. Точно что-то страшное, тяжелое отодвинулось отъ нея, когда она увидѣла маму. И мама особенно нѣжно обняла ее и поцѣловала...

— Скучали, дѣточки, безъ меня?—спросила мама.

— Очень, мамочка! Ты гдѣ была?..

— Много дѣла, Ната, охъ, какъ много дѣла!..— бодро сказала мама.—Ну, теперь засяду дома и буду работать...

— А что такое, мама?.. И мнѣ можно съ тобой?..

— Конечно, дѣточка...

И мама усадила ее около себя на диванѣ и стала рассказывать ей, какъ теперь будетъ трудно жить тѣмъ семьямъ, изъ которыхъ ушли на войну или отецъ, или братъ; какъ будетъ трудно тѣмъ, кто будетъ возвращаться съ войны раненымъ, усталымъ, измученнымъ. Всѣмъ имъ надо помогать общими силами, и она, мама, съ Натой, будетъ это дѣлать вмѣстѣ.

— Будемъ шить бѣлье для бѣдныхъ, для дѣтей, будемъ удѣлять, что можемъ, имъ на помощь,—и ты мнѣ, дѣточка, будешь во всемъ помогать? Хорошо?..

Ната была въ восторгѣ. Мама говорила съ ней, какъ съ большой, въ первый разъ въ жизни!.. Что за прелесть у нея мамочка!..

— Мама, а когда это?—спросила она.

— Что—когда?..

— Когда мы начнемъ съ тобой?..

— Да завтра же... Время не терпитъ, а нужда у всѣхъ большая!..

Ложась спать, Ната съ жаромъ передавала все слышанное отъ мамы нянѣ.

— Понимаешь, няня, — мама будетъ шить бѣлье для бѣдныхъ и раненыхъ, и я тоже... А потомъ мы будемъ кормить бѣдныхъ дѣтей, будемъ за ранеными ухаживать, будто за своими.

А другіе будутъ за папочкой ухаживать... Вотъ такъ-то всѣмъ и легче будетъ. Правда, няня?..

— Правда, правда, касатка моя жалостливая!..

— Ну, и тѣмъ, кто на войнѣ, легче будетъ сражаться... Они спокойнѣе будутъ за своихъ, что тѣ у насъ на попеченіи будутъ. Гдѣ же нѣмцу насъ одолѣтъ?..

Няня ласково, грустно улыбнулась и раздумчиво сказала:

— И то, гдѣ же нѣмцу такую любовь великую одолѣтъ?.. Ну, спи, касаточка милая!..

Отвернувшись къ стѣнѣ, Ната перекрестилась и со слезами на глазахъ прошептала:

— Помоги, Господи, папѣ и тѣмъ, кто на войнѣ, и тѣмъ, кто страдаетъ... И кончи, Господи, эту войну, кончи поскорѣй... милый, милый!..

ПРОВОДИЛИ.

АГАША проснулась отъ суматохи, говора и всхлипываній въ избѣ. Было еще темно, — въ низенькихъ окнахъ только-только начинало свѣтлѣть... На столѣ

чадила жестяная лампочка, и копотъ накопилась съ одного бока на криво надѣтомъ стеклѣ... Мать ея, Лукерья, стоя на колѣняхъ около укладки, всхлипывала и съ сердцемъ выбрасывала разное тряпье на землю. Отецъ сидѣлъ за столомъ, подпершись одной рукой и утупивъ глаза въ полъ...

Агаша вскочила на лавкѣ и сѣла. Лукерья обернулась къ ней и крикнула:

Подъ боевой грозой.

— Агашка! Да будетъ тебѣ спать... Вставай скорѣйча, —отецъ скоро уходитъ...

Агашка чуть не упала съ лавки и стояла, протирая кулаками глаза.

— Поди ополоснись, —ласково сказалъ Карпъ Агашѣ, — ишь, заспалась, — опомниться не можетъ!..

Агаша выскочила изъ избы на крылечко, гдѣ былъ подвѣшенъ на веревочкахъ глиняный рукомойникъ, и сполоснула лицо. На дворѣ было свѣтло. День поднимался ясный, погожій; но утренній холодокъ заставилъ Агашу поежиться.

Подъ навѣсомъ мальчикъ чуть постарше Агаши возился около лошади, пытаясь обработать ее...

— Сеня!.. Сенька!..—окликнула Агаша брата.

— А-я,—откликнулся тотъ.

— Сеня, и чтой-то приключилось такое?

Сенька важно помолчалъ, выправляя чолку у лошади изъ-подъ ремня, крикнулъ на лошадь, — „Но, балуй еще!..“—и только затѣмъ словно въ сторону проворчалъ:

— Что?.. На войну отца берутъ...

Агашкѣ стало жутко и страшно... Она вдругъ словно вспомнила что,—раскрыла ротъ и заревѣла въ голосъ:

— Ай яй-яй!.. Тятка—а!.. Ай-яй-яй!..

Сеня нахмурился, дернулъ лошадь за поводъ и крикнулъ:

— Иди, что ль!.. Аль заснула?..

Агаша притихла и шмыгнула снова въ избу, стала у притолки тихо-тихо, сложивъ руки подъ передникомъ...

— И какъ я тутъ одное останусь, съ робя-тищами,—вздыхая, говорила Лукерья,—Господи Боже мой!.. Куда итти-то, Силантычъ?..

Мужикъ, не поднимая головы, вздохнулъ и сказалъ:

— Сказывали,—въ городъ чтобы къ вечеру быть. А оттоль по чугункѣ въ Москву, али еще куда...

— Да воевать-то съ кѣмъ?

— Съ кѣмъ? Съ нѣмцемъ, сказывали. Больно носъ задирать сталъ,—такъ умирать его пойдемъ, будь ему неладно!..—Онъ помолчалъ и добавилъ:

— Что жъ, и умиримъ. Въ лучшемъ видѣ окоротимъ,—сдѣлай милость, не суйся!..

Лукерья посмотрѣла на него растерянно...

— А хлѣбъ-то не убранъ стоять... Земля не пахана будетъ,—а выходило такъ, что нонче вы съ Сенькой на-двоемъ пахать будете...

Карпъ засопѣлъ носомъ, потомъ сказалъ:

— Авось, Господь дастъ, управитесь... Не оставитъ Господь и люди добрые... Агаша подсоблять будетъ... И міръ подсобить... Дѣло-то не насъ только касаемо, а всѣхъ вообще!.. Ничего, управитесь!..

Лукерья вдругъ словно вспомнила что:

— А конопель не дергана будетъ, и картошка не копана!.. Той молоти, той паши, той засѣвай... Головушка моя бѣдная!..

Карпъ крѣпился, крѣпился и не выдержалъ.

— Да буде тебѣ!..—тихо сказалъ онъ.—Чего душу-то травмишь... Чай, за міръ идемъ воевать, —такъ міромъ и подсобятъ тебѣ... Тебѣ подсобятъ, и ты подсоблять пойдешь... Что дѣлать-то?.. Божья воля. Опять же царь кличетъ,—ну, значить, надо итти!..

Агаша сорвалась съ мѣста и ринулась къ отцу:

— Тятенька... не уходи!.. Куда ты? Тятка!..

Мужикъ нѣжно провелъ закорузой ладонью по бѣлымъ, какъ ленъ, волосамъ дѣвочки и сказалъ:

— А ты нишкни, глупая... Будя, говорю!.. Что жъ что на войну? Ну, пойду да и вернусь... Авось, Господь не выдастъ. А ты, Агаша, съ

Сенькой—въ кучечкѣ будьте. Сенька за меня большакомъ останется,—такъ ты его слушайся, ровно бы вотъ меня!.. Такъ-то!.. А вотъ ужъ нѣмца побьемъ,—все по хорошему и будетъ!..

Онъ отстранилъ тихо отъ себя Агашу и сказалъ:

— Дай позавтракать, Луша... А я пойду—Сенькѣ подсоблю... Нешто ему одному запрещъ лошадь?..

Часъ спустя, изъ воротъ скрипя выѣхала телѣга. Сенька сидѣлъ, свѣсивъ ноги черезъ грядку и перебирая веревочныя вожжи... За телѣгой шелъ Карпъ, а за нимъ Лукерья и Агашка. Лукерья не плакала,—только всхлипывала и утирала глаза и носъ передникомъ. Карпъ шелъ молча.

— Корову-то не продавай,—сказалъ онъ вдругъ,—держишь ея... Лучше такъ какъ перебейся.

— Ладно, не продамъ...

Скрипитъ телѣга; тяжело дышитъ Лукерья; всхлипываетъ и шмыгаетъ носомъ Агаша, держась за полу кафтана отца...

— Опять же избу-то перекрыть соломой свѣжей надо,—а то пропадетъ ужъ... Такъ ты старостѣ поклонись,—онъ те подсобить...

— Ладно ужъ...

— Которая, значить, свинья на барскомъ дворѣ куплена,—опослѣ Покрова заколите...

— Заколемъ и то, Силантьичъ!..

Дошли до околицы. Остановились. Карпъ снялъ шапку, перекрестился на крестъ церкви, виднѣвшійся вдали, и дрогнувшимъ голосомъ произнесъ:

— Ну, а затѣмъ прощайте!.. Прости, Лушенька, коль въ чемъ повиненъ передъ тобой былъ, прости Христа ради!..

— Прости и ты меня, Силантьичъ... Ба-атюшка!.. Родимый ты мой!..—Она припала къ его плечу, и плечи ея стали вздрагивать отъ рыданій. Агаша робко прижалась къ отцу и терлась о полу кафтана мокрымъ отъ слезъ лицомъ...

— Ну, Господи благослови!.. Авось, вернусь,—не всѣмъ помирать въ бою!..

— Помилуй тебя, Господь, Силантьичъ,—тихо сказала Лукерья и поклонилась ему въ поясъ.

Карпъ влѣзъ на телѣгу, свѣсилъ ноги черезъ грядку и сказалъ Сенѣ:

— Трогай, Семень!..

Сеня дернулъ вожжами,—лошадь недовольно

махнула хвостомъ, налегла въ хомутъ, и телѣга закрипѣла, раскачиваясь въ колеяхъ!..

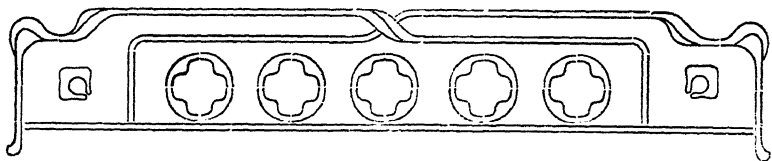
Лукерья и Агаша долго молча смотрѣли имъ вслѣдъ. Телѣга уползала медленно по дорогѣ, словно утопая въ густой щетинѣ волнующейся ржи; завернула въ бокъ,—и надъ рожью стали видны только сидящіе въ телѣгѣ, голова лошади и мѣрно покачивающаяся дуга... Доѣхали до дубовой рощи, которая яркимъ пятномъ выдѣлялась среди золотого моря,—и эта роща вдругъ скрыла изъ глазъ ѣзжающихъ.

Лукерья глубоко вздохнула, перекрестилась и отвѣсила вслѣдъ имъ низкій поклонъ. Потомъ повернулась молча и скоро-скоро пошла по улицѣ, не глядя на Агашу, которая бѣжала за ней слѣдомъ...

У воротъ Лукерья остановилась и сказала Агашѣ:

— Поди, закуси малость, да меня догоняй... Нонче намъ до вечера весь клинушекъ дожать надо... Дверь-то припирай,—какъ бы боровъ не забрался въ избу... Да воды въ кувшинѣ захвати, не забудь!..—И пошла дальше вдоль улицы...

Ясно голубѣло небо, солнце свѣтило совѣмъ по-лѣтнему, и было такъ хорошо, такъ празднично-радостно вокругъ...

Непріятельскій набѣгъ.

ЯНЕКЪ ненавидитъ всѣхъ; Янекъ вѣчно озлобленъ противъ всѣхъ и всегда готовъ радоваться чужому горю. Вѣдь ему постоянно приходится отгрызаться отъ всѣхъ, потому что рѣдко найдется человѣкъ изъ всего поселка, который бы не пригрозилъ ему, не выбранилъ или не ударилъ его...

Виноватъ ли Янекъ, нѣтъ ли,—это въ расчетъ не принимается: достаточно, чтобы Янекъ подвернулся подъ руку,—и ему достается жестоко... И злоба у Янека растетъ противъ всѣхъ и каждого... Вѣдь даже маленькіе ребятишки, сверстники Янека—и тѣ чувствуютъ свое превосходство надъ нимъ и при всякомъ удобномъ случаѣ стараются ему нанести непріятности. А ужъ о томъ, чтобы принять его въ игру или хоть дружелюбно поговорить съ нимъ,—и рѣчи быть не можетъ...

— Янекъ — бродяжка, побируха!.. — кричатъ ребятишки, завидѣвъ его. — Янекъ — воришка... Гоните его, разбойника!..

И съ шиканьемъ, съ криками бѣгутъ они гурьбой, натравливая собакъ, вдогонку за убѣгающимъ отъ нихъ, сломя голову, Янекомъ... Любо ребятишкамъ,—а у Янека въ груди духъ захватываетъ отъ злобы противъ нихъ...

А чѣмъ Янекъ виноватъ?.. Онъ и самъ не можетъ понять!.. Развѣ только одно: у всѣхъ, у этихъ ребятишекъ есть либо отецъ и мать, либо кто-нибудь родной — какой-нибудь покровитель, который и охраняетъ малыша и не даетъ его въ обиду.

А Янекъ—самъ по себѣ... У Янека нѣтъ никого, и какъ попалъ онъ сюда, въ мѣстечко Решвяны,—Янекъ не помнить...

Кто-то завезъ его сюда, оставилъ его тутъ,—и Янекъ оказался предоставленнымъ самому себѣ... И долго Янека не могъ нигдѣ пристроить староста,—потому что кому же охота была брать на себя заботу объ обездоленномъ, безродномъ сиротѣ?.. И Янекъ сперва каждый день переходилъ изъ рукъ въ руки—изъ одного дома въ другой, гдѣ его кормили, чѣмъ попало, лишь бы онъ не умеръ съ голоду...

Это была очень тяжелая жизнь,—и Янекъ

иногда предпочиталъ вступать въ единоборство съ какой-нибудь собакой, утащившей случайно корку хлѣба, чтобы отнять у нея эту добычу и, благодаря этому, обойтись безъ одолженія у сельчанъ. Забирался Янекъ и на огороды, лазалъ и по яблонямъ, добывая себѣ пропитаніе...

Рѣдко эти попытки проходили безслѣдно,— а чаще всего его ловили на мѣстѣ преступленія и тутъ же воздавали ему должное...

И каждый разъ безсильная злоба все больше и больше ожесточала его сердце,—и Янекъ становился порой даже страшенъ... Тогда онъ убѣгалъ, подальше отъ грѣха, въ сосѣдній лѣсъ и тамъ бросался на землю и плакалъ отъ злости, царапая землю, вырывая траву и кустики вокругъ себя: это опустошеніе облегчало его,—потому что въ такія минуты ему казалось, что у него подъ руками были тѣ, кто обидѣлъ его...

Разъ въ лѣсу онъ подстерегъ сынишку ихъ богатея,—Эрзью... Тотъ шелъ съ узелкомъ, въ которомъ былъ завязанъ обѣдъ его отцу... Этого Эрзью Янекъ ненавидѣлъ больше всѣхъ,—и за его сытость, и за его вѣчное самодовольство, и за то, что Эрзя держалъ себя свысока и особенно грубо обращался съ нимъ... Янекъ выждалъ минуту—и, какъ волкъ, набросился на Эрзью..

Они сцѣпились руками крѣпко-крѣпко и возились на землѣ въ пыли, отчаянно визжа и задыхаясь...

И Янекъ одолѣлъ бы врага, и тому пришлось бы плохо, если бы въ самую рѣшительную минуту Янека не окликнулъ хорошо знакомый ему голосъ:

— Янекъ!.. Янекъ!.. Ты съ ума сошелъ? Оставь его, Янекъ, слышишь?..

И Янекъ разжалъ руки, выпустилъ Эрзю и отскочилъ въ сторону. Къ Янеку подошла маленькая Элиза, внучка тетки Сабины, у которой чаще всего Янекъ находилъ и пріютъ, и сытный обѣдъ; и она укоризненно покачала головой на Янека, и тотъ сдержалъ себя и не бросился въ догонку за Эрзей, который, оправившись, вскочилъ на ноги и, грозясь кулакомъ, съ плачемъ и воплемъ бросился бѣжать домой...

— Ахъ, Янекъ, — зачѣмъ ты это сдѣлалъ, — съ укоромъ сказала Элиза. — Вѣдь теперь тебѣ еще хуже будетъ...

— Я не могу, не могу, — бормоталъ Янекъ, весь дрожа отъ волненія и досадливо утирая слезы и кровь на лицѣ рукавами рубашки. — За что они меня такъ ненавидятъ!

И когда Элиза погладила его по головѣ, — онъ заплакалъ навзрыдъ, и ему казалось, что сердце у него разрывается на части...

Конечно, Янеку попало въ тотъ же день отъ отца Эрзи—и попало жестоко... Но странно, когда онъ, весь избитый, измученный и униженный, припелся въ хатку тети Сабины,—последняя, всегда журившая его за всякую провинность, встрѣтила его ласково и только сказала:

— Ну, вотъ видишь, Янекъ, тебѣ же хуже пришлось... Ты видишь самъ,—одно зло родить другое...

Она нѣжно погладила его по головѣ, — и Янекъ далъ волю своимъ слезамъ, потому что ему теперь стѣсняться было некого...

— Я всѣхъ, всѣхъ ненавижу... Я всѣхъ со свѣту бы сжилъ... Вотъ возьму и подожгу деревню... Всѣхъ погублю...

— И насъ съ Элизой, глупый Янекъ?—спросила тетя Сабина.

Янекъ вдругъ запнулся и вытаращилъ глаза, словно пораженный внезапно осѣнившей его мыслью, и сказалъ:

— Нѣтъ!.. Развѣ можно васъ-то и Элизу?..

— Не надо этого дѣлать,—серьезно сказала тетя Сабина,—и выкинь ты это изъ головы... Если ты будешь хорошъ со всѣми, то и всѣ будутъ къ тебѣ относиться такъ, какъ мы къ тебѣ, бѣдный мой волчонокъ!..

Но Янекъ пропустилъ эти слова мимо ушей... Обращаться хорошо съ Эрзей или его отцомъ?... Эге!.. Тогда они съ радостью живьемъ закопаютъ Янека въ землю. Вѣдь пока они его боятся,—они его и не трогаютъ; а дайся онъ имъ,—такъ ужъ пощады отъ нихъ не жди...

Съ середины лѣта по всей округѣ и въ поселкѣ Решвяны стали ходить какіе-то тревожные слухи, и народъ волновался... По вечерамъ группы людей собирались у какой-нибудь хаты, или подъ дубомъ, на выгонѣ,—и люди о чемъ-то таинственно переговаривались, возбужденно размахивая руками. Творилось что-то странное, что-то новое. И Янекъ сознавалъ это лучше всего потому, что на него стали меньше обращать вниманія и оставили его въ покоѣ...

Потомъ какъ-то пріѣхали люди въ мундирахъ, со свѣтлыми пуговицами, — и всѣ Решвяны пришли въ движеніе, весь поселокъ завозился. какъ развороченный муравейникъ... Янекъ услышалъ, что по всему поселку собираютъ людей на войну, въ солдаты, — тѣхъ самыхъ людей, которыхъ онъ привыкъ видѣть за плугомъ, на полѣ, въ лугахъ или на завалинкѣ... По всему поселку пошли говоръ, плачъ, жалобныя выкликанія... Плакали больше женщины и ребя-

тишки постарше, а малыши какъ-то притихли, — и только...

Янекъ слѣдилъ за всѣмъ съ особеннымъ интересомъ: все это было такъ ново, необычайно для него, а главное, — ему было теперь спокойнѣе, лучше. Его никто не трогалъ, о немъ всѣ забыли...

Дня три спустя, поселокъ опустѣлъ. Мужики ушли куда-то, — въ Решвянахъ остались только женщины, дѣти да старики... Только у тетки Сабина въ хаткѣ все осталось по прежнему, хотя сама Сабина тоже волновалась и частенько плакала и причитала:

— Охъ, времена тяжкія!.. И что мы теперь только дѣлать будемъ...

Янекъ долго крѣпился, мучимый страшнымъ любопытствомъ; наконецъ, не выдержалъ и спросилъ:

— Скажи мнѣ, тетя Сабина, что такое случилось?..

И тогда старуха объяснила ему, что объявлена война, что идетъ на нихъ нѣмецъ, — и мужики пошли воевать съ нимъ. И, конечно, народу перебьютъ не мало, и ихъ разорять, дома сожгутъ, а бѣдныхъ людей разгонять въ разныя стороны, пока русскіе опять не прогонятъ нѣмцевъ прочь отсюда...

Nonpessum

Янекъ задумался. Съ одной стороны, онъ радовался, что всѣхъ его обидчиковъ угнали изъ поселка, и теперь некому будетъ обижать его; съ другой стороны—ему страшно жаль было тетю Сабину и Элизу, которыя такъ волновались и часто плакали...

Дни и ночи проходили въ сплошной тревогѣ. Никто ничѣмъ не могъ спокойно заниматься: съ утра и до вечера то тамъ, то сямъ соби-
рались группами старики и женщины и о чемъ-то горячо разсуждали, размахивали руками и указывали куда-то въ ту сторону, гдѣ садилось солнце.

Для Янека настала какая-то новая жизнь. Его словно выпустили на волю изъ плѣна. Общая тревога захватила и его, но такъ какъ онъ не видѣлъ впереди ничего ужаснаго, то ему было даже весело. На огородахъ онъ хозяйничалъ свободно, на яблони карабкался безнаказанно, по деревенской улицѣ разгуливалъ важнымъ бариномъ, — а ему больше ничего не нужно было послѣ цѣлаго ряда униженій и оскорбленій.

Какъ-то ночью весь поселокъ былъ встревоженъ ружейными выстрѣлами.

Всѣ выскочили изъ хатъ, въ чемъ попало, — сбились въ кучу и тревожно спрашивали другъ.

друга, — въ чемъ дѣло... Рано утромъ, на зарѣ черезъ поселоку проскакали трое казаковъ, которые кричали встревоженнымъ людямъ:

— Уходите, уходите скорѣе... Нѣмцы близко!.. Къ вечеру будутъ здѣсь!..

Боже мой! какая суматоха поднялась по всему поселку!.. По дворамъ запрягали лошадей въ телѣги и на телѣги сваливали всякое добро, какое только попадалось подъ руку; телятъ, барановъ со связанными ногами сваливали тоже на телѣги, коровъ привязывали къ телѣгамъ, — и черезъ нѣсколько часовъ цѣлый обозъ двинулся изъ Решвянъ, сопровождаемый толпой женщинъ, стариковъ и подростковъ... Тетя Сабина съ Элизой собрались тоже. У нихъ была лошадь и телѣга, и они не хотѣли отставать отъ другихъ.

— Куда же вы уходите?—спросилъ Янекъ.

— Сейчасъ—въ лѣсъ, вонъ туда, въ Волчій оврагъ,—сказала Элиза.—Тамъ и будемъ пережидать, пока непріятель не уйдетъ изъ поселка... Ну, идемъ, Янекъ...

Но Янекъ покачалъ головой...

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—я останусь здѣсь...

И, чтобы не подвергаться разспросамъ и угрозамъ, онъ выбѣжалъ за ворота и скрылся изъ поселка... Янека разбирало любопытство посмо-

трѣть,—что такое будетъ дальше, потомъ; разъ всѣ уѣзжаютъ изъ поселка,—значить, онъ остается здѣсь одинъ, полнымъ хозяиномъ,—а это чего-нибудь да стоитъ... Никакого худа онъ не боялся, потому что ему и всегда было скверно жить. А ужъ если очень тяжело будетъ,—онъ тогда успѣетъ скрыться въ тотъ лѣсъ, куда отправились жители поселка и Элиза съ ея бабушкой...

Когда, нѣсколько часовъ спустя послѣ отъѣзда поселковцевъ, Янекъ вернулся въ поселокъ,—его поразила глубокая тишина, царившая здѣсь. Только чирикали воробьи, ворковали голуби и кудахтали куры, роясь въ пыли на солнцѣ. Онъ смѣло зашелъ въ одну хату и пошелъ осматривать всѣ углы. Онъ зналъ, что его никто не окликнетъ, не одернетъ,—и ему было ужасно весело, какъ-будто все здѣсь принадлежало ему.

Онъ нашелъ въ одной изъ хатъ на столѣ начатый хлѣбъ, крынку молока и съ жадностью набросился на ѣду. Потомъ перешелъ въ сосѣднюю хату и здѣсь нашелъ на столѣ сковороду съ жареной картошкой; онъ позавтракалъ въ полное удовольствіе и сразу отижелѣлъ. За перегородкой нашелъ онъ нары, на которыхъ лежалъ тюфякъ и старое изъ лоскутковъ одѣяло.

Съ наслажденіемъ улегся онъ на тюфякъ, накрылся одѣяломъ и тотчасъ же заснулъ, въ первый разъ испытывая наслажденіе спать по-человѣчески, а не гдѣ попало и какъ-нибудь.

Онъ проснулся къ вечеру. Кругомъ было тихо-тихо. Онъ проголодался и пошелъ искать, чѣмъ бы поживиться. Въ печкѣ онъ нашелъ горшокъ съ кашей и живо покончилъ съ ней. Потомъ опять забрался на постель подъ одѣяло и задумался.

„Ага!.. Значить, и на моихъ ненавистниковъ гроза есть... И имъ тоже есть, кого бояться... Такъ и надо. Подѣломъ... Вотъ только Элизу жалко и тетюшку Сабину. Каково имъ тамъ, въ лѣсу, подъ открытымъ небомъ, въ Волчьемъ оврагѣ!.. Хорошо, если бы онѣ были сейчасъ здѣсь вмѣстѣ съ нимъ!..

Онъ закутался въ одѣяло поплотнѣе и сталъ дремать...

Рано утромъ его разбудилъ ружейный залпъ. Онъ вскочилъ, какъ встрепанный, и прислушался. Опять наступила тишина. Потомъ съ надворья слышались глухіе голоса, ржаніе лошадей и конскій топотъ...

Раздался выстрѣлъ,—и стекла въ окнѣ, около котораго онъ лежалъ, со звономъ разлетѣлись

вдребезги. Янекъ кубаремъ скатился на полъ и забился въ уголъ. Немного погодя, загремѣли шпоры, затрещали ступени на крыльцѣ. Кто-то рванулъ дверь и вошелъ въ хату...

— Кто здѣсь есть?..— крикнулъ голосъ польски.

Янекъ молчалъ.

— Отзовитесь, кто есть... Дурного вамъ не будетъ!..

Янекъ молча поднялся на ноги и вышелъ изъ-за перегородки...

Передъ нимъ стоялъ рослый, статный драгунъ, въ красивой блестящей формѣ.

— А... малышъ!..— воскликнулъ онъ и поспѣшно схватилъ его за плечо.—Гдѣ ваши?

— Никого нѣтъ!..—пролепеталъ Янекъ.—У меня никого нѣтъ... Я одинъ!.. Я сирота.

Драгунъ съ размаху ударилъ его по щекѣ и крикнулъ:

— Не лги!.. Говори всю правду... Казаки здѣсь есть?..

— Нѣтъ!.. Утромъ проѣзжали мимо!..

— А гдѣ жители?.. Куда они попрятались?

Янекъ молчалъ.

— Да ну же, говори!..

У Янека радостно и злобно вспыхнули глаза.

А, вотъ когда настало его время—отплатить имъ всѣмъ за ихъ униженія, за попреки, за побои... Хорошо же!.. Онъ знаетъ, гдѣ они, и онъ сейчасъ можетъ ихъ всѣхъ выдать...

— Всѣ ушли вчера,—твердо сказалъ онъ,—и все добро увезли съ собой!..

Драгунъ сразу перемѣнилъ тонъ.

— Ты не дуракъ,—сказалъ онъ,—пойдемъ къ нашимъ. Если ты намъ поможешь,—мы тебя наградимъ... Такой же красивый мундиръ дадимъ и лошадь.

Сердце забилося отъ радости у Янека... Вотъ когда счастье начало улыбаться ему!..

На улицѣ передъ хатой стояло человѣкъ пятнадцать верховыхъ, въ такихъ же нарядныхъ мундирахъ, какъ и у собесѣдника Янека... Они громко разговаривали между собой и смѣялись.

Собесѣдникъ Янека подошелъ къ нимъ, переговорилъ съ ними о чемъ-то, а затѣмъ одинъ изъ нихъ—самый толстый и важный, какъ показалось Янеку, обратился къ нему:

— Такъ ты знаешь, куда ушли ваши, и покажешь намъ?..

— Да!.. У нихъ тамъ и скотъ весь, и добро всякое... И староста нашъ съ ними...

— Ага!—усмѣхнулся толстякъ,—вотъ это хо-

рошо... Ты—славный мальчикъ... Мы дадимъ тебѣ много денегъ за услугу... Вотъ нѣ пока!..

И онъ бросилъ Янеку серебряную монету, которую тотъ подхватилъ налету...

— Но помни,—если ты насъ обманешь, мы тебя застрѣлимъ!..

И, чтобы подтвердить эти слова, толстый драгунъ поднялъ револьверъ и выстрѣлилъ почти надъ головой Янека, такъ что тотъ въ ужасѣ присѣлъ на землю.

Драгуны засмѣялись.

— Ну, въ путь! Маршъ!.. Иди, мальчикъ, впередъ!..

Когда они приближались къ околицѣ, взоръ Янека случайно упалъ на крайнюю хату—хату тети Сабинны. Окна въ ней были выбиты, и одинъ изъ солдатъ, запаливъ спичкой пукъ соломы, совалъ его въ выбитое окно. Сердце Янека вдругъ мучительно сжалось,—и какая-то внезапная мысль поразила его...

Тамъ, въ лѣсу—Сабина и Элиза, а онъ ведетъ туда этихъ людей?.. Ему стало жутко и гнусно и до боли жаль ихъ... Ну, да—тѣ, ненавидимые ему, люди попадутъ въ руки солдатъ,—такъ имъ и надо... А Элиза-то?.. А тетя Сабина?.. Что будетъ съ ними?.. Онѣ умрутъ отъ страха!..

Ноги у него похолодѣли до колѣнъ и стали какими-то слабыми...

— Впередъ, впередъ!.. Живо, малышъ!—крикнулъ на него одинъ изъ солдатъ...

Янекъ оглянулся на нихъ, посмотрѣлъ по сторонамъ и вдругъ, не говоря ни слова,—бросился въ сторону и юркнулъ въ кусты... Это было глупо, наивно,—но лучшаго Янекъ ничего не могъ придумать... Почти тотчасъ же вдогонку ему раздался выстрѣлъ,—и Янекъ почувствовалъ мучительную боль въ спинѣ—и, застонавъ, закрылъ глаза...

— Кончено съ негодяемъ!..—услышалъ онъ надъ собой чей-то голосъ.

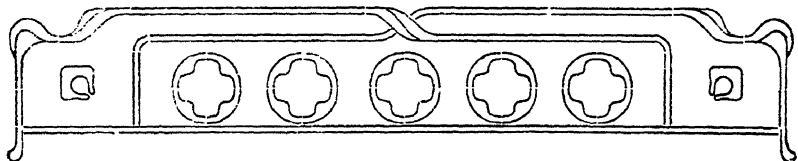
Потомъ ему показалось, что какая-то длинная палка просунулась мимо его лица и стала больно давить ему грудь,—онъ хотѣлъ оттолкнуть ее рукой и простоналъ:

— Не надо!..

Потомъ земля стала какъ-то плавно колыхаться подъ нимъ и поплыла. Ему вспомнилась постель съ одѣяломъ изъ лоскутковъ, красивый драгунъ и Элиза...

— Элиза... Элизочка!..—прошепталъ онъ, вытягиваясь,—и больше уже онъ не помнилъ ничего...

Онинъ плѣнникъ.

ДѢДУШКА Назаръ ушелъ изъ лѣсу тотчасъ послѣ обѣда въ сосѣднее село, Веденѣево,—и Оня осталась въ лѣсной сторожкѣ одна одинешенька... Вотъ дѣдушка и всегда такъ,—самъ ничего не боится,—значить, и другимъ не должно быть страшно.

Какъ сталъ уходить изъ избы,—перекрестилъ Оню, погладилъ по головѣ и говоритъ:

— Ну, умница, сиди, дожидайся меня. Провѣдаю я кое-кого на селѣ, порадузнаю, какъ наши православные съ нѣмцами воюють, хлѣба заберу,—и домой буду!..

А Оня прижалась къ нему и говоритъ:

— Возьми и меня, дѣдушка, съ собой.

А дѣдушка свое ладить:

— Сиди, знай, Оня, тутъ; чай, никто тебя

не тронетъ. Сама ты до Веденѣва не дойдешь, а нести тебя — силы не хватитъ. Опять же и куръ загнать уже надо, и телкъ корму задать.

— Да мнѣ, дѣдушка, страшно!.. Давеча какъ палили-то изъ-за лѣсу!..—все хнычетъ Оня.

А дѣдушка ей и говоритъ, усмѣхаясь:

— А ты не робѣй,—вотъ тебѣ страшно и не будетъ!.. Палили невѣсть гдѣ далеко,—сюда не достанутъ.

И ушелъ... А Оню въ избушкѣ одну оставилъ. И хуже всего,—что и Шарикъ съ дѣдушкой на село увязался. Невеликъ песъ, а смышленъ,—и защита отъ него Онѣ была бы немалая. Остался вонъ съ Оней котъ Бабай,—да какой отъ него прокъ? Онѣ — чуть-что — самъ хвостъ трубой подниметъ, да—подъ печку,—и поминай его, какъ звали...

Послѣ того, какъ дѣдушка ушелъ, Оня малость поплакала, а потомъ утерла глаза, взяла кошелку, туесокъ съ водой и ломоть хлѣба,—„Дай, думаетъ, по чернику схожу въ Козій Логъ, пока солнышко еще высоко стоитъ!.. Тамъ и пополудничаю“...

Притворила дверь и пошла по лѣсной тропкѣ—къ Козьему Логу...

Идетъ она лѣсомъ, а у самой такъ сердце и замираетъ въ груди. Ужъ очень много жуткаго да страшнаго привелось ей пережить за послѣдніе дни. Дѣдушка, вонъ, сказывалъ,—по деревнямъ теперь врагъ лютый пошелъ,—и дома жжетъ, и скотину угоняетъ, и поля топчетъ. А по ночамъ, она сама видѣла сколько разъ, — то тамъ, то здѣсь межъ деревьями зарево по небу расплывается. Дѣдушка говоритъ,—что это все врагъ деревни наши палить!..

Въ лѣсу было тихо,—но Онѣ отъ этой тишины было какъ-то особенно жутко... Вотъ словно кто притаился въ кустахъ и высматриваетъ тебя исподтишка!..

Идетъ Оня, озирается, — такъ и ждетъ, что гдѣ-нибудь ей страшила какой-нибудь почудится... Еще слава Богу,—день Божій стоитъ,—не скоро темнѣть станетъ. А то бы чистая бѣда!..

Знакомая тропка вьется между деревьями, словно змѣйка юркая. По ней, ежели что неладное почудится, Оня духомъ до дому домчится,—не споткнется на ней...

Вонъ впереди деревья уже рѣже становятся. Скоро Оня и на полянку выйдетъ, гдѣ Козій Логъ начинается. Тамъ все, какъ на ладони, далеко видно:—чуть что неладное Оня запри-

мѣтитъ, — юркнутъ она въ лѣсъ назадъ, и была такова. Пойди, поймай ее тамъ!..

Вышла Оня на поляну, оглядѣлась, — нѣтъ никого. Стала она спускаться въ логъ, — а тутъ черники, тутъ черники, — словно кто ее рассыпалъ по кособору. Только садись — да и огребай ее пригоршнями!..

Присѣла Оня, стала чернику въ кошелку собирать. Птичка крохотная какая-то подлетѣла къ ней, молча посмотрѣла на нее, покачалась на лозинкѣ и безшумно отлетѣла въ сторону... И опять нѣтъ никого возлѣ Они...

Торопится Оня, собираетъ чернику, съ листьями рветъ. — „Вотъ, — думаетъ, — наберу доверху кошелку, и буде... Домой пора: аккуратно вмѣстѣ съ солнышкомъ до дому дойду!“

И вдругъ Оня замерла, открыла ротъ, вытаращила глазенки и прислушалась...

Какой-то сухой отдаленный трескъ поразилъ ее, — не слыхала она никогда такого. Потомъ трескъ этотъ вдругъ сразу оборвался: что-то зашумѣло въ глуби Козьяго Рога, со свистомъ разрѣзая воздухъ, — что-то глухо ударилось о землю, и словно бы человѣкъ вскрикнулъ...

А потомъ все смолкло, какъ-будто и не было ничего.

Оня съ трудомъ перевела дыханіе и провела языкомъ по высохшимъ губамъ. Она слышала, какъ кровь съ шумомъ прилиwała ей къ ушамъ, а сердце колотилось тревожно, отрывисто,—тукъ-тукъ, тукъ-тукъ...

„Бѣжать надо!..“—мелькнуло у нея въ головѣ. Она поднялась съ трудомъ,—ноги у нея дрожали въ колѣняхъ и будто ослабли отъ страху...

„А что это было такое? Птица какая, что ли?“...

Оня выбралась изъ оврага и торопливо пошла къ знакомой тропинкѣ; но чуть только вошла въ лѣсъ,—какъ сразу же осмѣлѣла. Здѣсь-то ей не страшно,—тропинка знакомая,—всегда до дому доведетъ... А занятно было бы посмотреть, что это трещало тамъ, и кто это крикнулъ въ оврагѣ?

Любопытство взяло-таки верхъ надъ страхомъ. Оня осмотрительно оглянулась по сторонамъ,—не слѣдитъ ли кто-нибудь за ней изъ-за кустовъ и деревьевъ,—и робкими, невѣрными шагами стала пробираться между деревьями...

Дойдя до края оврага, Оня присѣла за кустомъ и сначала оглянула всю поляну...

Ничего не видать,—нѣтъ никого!.. По низинамъ только туманъ легкій стелется...

Оня заглянула въ оврагъ,—и тамъ нѣтъ ничего,—сыростью только оттуда на нее тянетъ, какъ изъ погреба...

Оня перевела дыханіе и пошла вдоль оврага, вытягивая шею и заглядывая въ глубину его. Нѣсколько шаговъ прошла Оня—и вдругъ остановилась на мѣстѣ: она ясно слышала чѣмъ-то глухіе стоны и кряхтѣнье... Они раздавались въ глубинѣ оврага, изъ тумана, который медленно поднимался вверхъ, цѣпляясь за корявые кустарники...

Вся съёжившись комочкомъ, Оня стала осторожно спускаться по скату оврага, между кустами, вглядываясь въ туманъ, и, когда она добралась до половины ската,—она увидѣла въ туманѣ неясныя очертанія какой-то сѣрой растопыренной громадины, которая уткнулась въ землю и беспомощно поднимала кверху крыло, въ родѣ мельничнаго, только немного поменьше... А около этой чудной штуки лежали на землѣ два барина въ сѣрыхъ курткахъ. И они-то, какъ казалось Онѣ, и стонали глухо и тяжело...

„Бѣжать, что ли, отсель?—мелькнуло у Они въ головѣ,—ишь, страсти какія!..“

Но такъ какъ люди лежали, не двигаясь, — а сѣрая громадина и вовсе была не страшная,

потому что молчала и не двигалась,—Оня осмѣлѣла и стала осторожно спускаться по отлогому скату оврага и подходить все ближе и ближе къ лежавшимъ людямъ. „Чуть, молъ, что,—я стрекача задать успѣю!..—думаетъ Оня.— А поглядѣть занятно!..“

Одинъ изъ лежавшихъ зашевелился, поднялся на локоть,—и Оня сразу замерла на мѣстѣ, готовая бѣжать назадъ.

Раненый поднялъ голову, оглянулся и вдругъ замѣтилъ дѣвочку... Онъ сталъ махать ей рукой и подзывать къ себѣ. Но Оня только смотрѣла на него и не двигалась съ мѣста, ожидая,—не вскочить ли онъ на ноги, не бросится ли на нее. Но онъ, очевидно, не могъ подняться съ мѣста и все только махалъ ей рукой и кивалъ головой.

„Господи благослови!.. — подумала Оня, — зоветь, никакъ. Что жъ, ничего,—можно и подойти!..“

Опасливо, съ оглядкой стала подходить Оня къ лежавшему сърому барину. Шагнетъ и остановится, еще шагнетъ и остановится...

„Сѣрый баринъ“ заговорилъ что-то, сталъ указывать на горло, на ротъ,—и тутъ Оня съ ужасомъ замѣтила, что обѣ руки у него были въ крови...

— Помогай мнѣ!.. — сказать онъ, наконецъ, ломанымъ русскимъ языкомъ, махнувъ ей рукой.

Оня отрицательно покачала головой и отступила назадъ.

— Ну, чего же ты?..

— Бою-юсь!.. — пролепетала Оня, оглядываясь по сторонамъ.

„Сѣрый баринъ“ досадливо покачалъ головой и сказалъ:

— Воды дай!.. Я не буду трогать васъ!..

Оня колебалась не долго. Пугливо озираясь на торчащее кверху крыло, она шагнула къ раненому и издали протянула ему туесокъ съ водой... И пока онъ пилъ, Оня съ ужасомъ замѣтила, что у него и правая щека, и шея были въ крови...

Онъ кончилъ пить, поставилъ туесъ, оперся правой рукой о землю и поднялся на колѣни. Посмотрѣвъ на лежавшаго около товарища, нагнулся къ нему, сталъ трогать его за плечо, за руку, и все время качалъ головой.

Потомъ онъ поднялся на ноги, — а ноги у него были длинныя, и весь онъ былъ какой-то долговязый, какъ рѣшила про себя Оня, — поднялъ лежавшаго и потащилъ его въ сторону отъ аппарата. Оня предусмотрительно вскарабкалась по

откоосу на самый верхъ оврага и оглянулась.

„Сѣрый баринъ“ уже возился около лежавшей громадины,—что-то дѣлалъ съ ней. Потомъ чиркнула спичка, вспыхнулъ огонь. Оня видѣла, какъ „сѣрый баринъ“ вдругъ побѣжалъ вдоль оврага и сталъ карабкаться вверхъ, прямо къ ней... И въ ту же минуту что-то вдругъ грохнуло, словно громъ ударилъ, такъ что Оня, какъ была, такъ и повалилась на землю со страху,—а потомъ вскочила, завопила благимъ матомъ и бросилась бѣжать въ лѣсъ по тропинкѣ...

„Сѣрый баринъ“ въ свѣтлыхъ пуговицахъ что-то кричалъ ей вслѣдъ,—она ничего не слышала и бѣжала со всѣхъ ногъ, какъ-будто за ней гнались какія-то чудовища.

Она ворвалась въ избушку, захлопнула за собой дверь, задвинула засовъ, влѣзла на печь, закатилась въ самый уголъ и, рыдая, уткнулась носомъ въ лежавшій на печкѣ полушубокъ.

Не скоро пришла въ себя Оня... Только полная тишина, мирное кудахтанье куръ, собиравшихся на ночлегъ, да мычанье проголодавшейся телки—и успокоили Оню мало-по-малу...

Она отлежалась, успокоилась,—но долго еще не отваживалась высунуть носъ изъ-за угла печки. Ей такъ и чудилось, что сѣрый, долговязый

баринъ поджидаетъ ее около избушки и тутъ же и прихлопнетъ ее...

Куры все кудахтали, телка мычала жалобно-жалобно,—и Онѣ волей-неволей пришлось слѣзть съ печки и пойти хозяйничать...

„Кабы Шарикъ со мной былъ,—тоскливо подумала она,—онъ бы побрехалъ,—все не такъ жутко мнѣ было бы!..“

Осторожно выглянула она изъ избушки,—нѣтъ никого. Она шмыгнула во дворъ, загнала кое-какъ куръ и опять забралась въ избушку и задвинула засовъ у двери.

Лихорадка трепала ее; всѣ молитвы, какимъ ее дѣдушка Назаръ обучилъ, она позабыла и теперь только шептала:—„Господи, Господи, Никола угодникъ... Батюшка!..“

Она залѣзла на печь, завернулась съ головой въ полушубокъ, и сама не замѣтила, какъ заснула глубокимъ, тяжелымъ сномъ...

Рано утромъ проснулась она и открыла глаза, ничего не въ силахъ сообразить... Ночью ей снился страшный нелѣпый сонъ,—и этотъ сонъ смѣшивался у нея въ мысляхъ съ тѣми ужасами, которые она пережила наканунѣ...

Все еще подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ сна, она съ печки окликнула:

— Дѣдушка!.. А дѣдушка!..

Никто не отвѣчалъ...

— Шарикъ!.. Шарикъ!.. Шарикъ!..—позвала она...

И Шарикъ не отозвался ей знакомымъ ласковымъ визгомъ.

„Господи, Боже мой!.. И что же мнѣ теперь дѣлать?.. Батюшки мои!..“

Оня слѣзла съ печки, боязливо оглядывая всѣ уголки, подошла къ окну и взглянула глазкомъ на дворъ,—нѣтъ ли тамъ долговязаго „сѣраго барина“; но тамъ никого не было. Она откинула засовъ у двери, долго отворяла ее постепенно,—сперва высунула голову и только потомъ уже шагнула на крылечко...

Вышла и ахнула. Такъ и есть!.. У самаго крыльца на землѣ лежалъ тотъ самый „сѣрый баринъ“, который такъ напугалъ вчера Оню.

„Ишь вѣдь,—подумала Оня,—добрался сюда... Выслѣдилъ-таки меня!..“

Доска скрипнула подъ ногой Они; лежавшій поднялъ голову и мутными глазами посмотрѣлъ на нее.

— Кто тутъ есть у васъ?—спросилъ онъ.

Оня молчала...

— Дѣвочка... дай мнѣ пить... дай мнѣ ѣсть...

Я буду умирать скоро... Третій день не ѣсть...

Отчаянье взяло Оню. Видить она, что никакъ ей не отдѣлаться отъ этого человѣка, и дѣваться ей некуда. Шмыгнула она въ избу, сняла краюшку хлѣба съ полки, зачерпнула ковшомъ воды, сошла на крыльцо,—показываетъ, „сѣрому барину“ и хлѣбъ, и воду.

— Иди сюда!.. Иди!..—говорить...

Всталъ сѣрый баринъ, поднялся по крыльцу, пошатываясь, вошелъ въ избу и тяжело опустился на лавку. А Оня поставила около него на лавку ковшъ съ водой, хлѣбъ положила тутъ же,—а сама шмыгнула изъ избы на крыльцо, захлопнула за собой дверь и приперла ее коломъ.

Перекрестилась, выбѣжала за ворота и, не оглядываясь, бросилась бѣжать въ лѣсъ по дорогѣ, что вела отъ ихъ сторожки къ селу Веденѣву. Она то бѣжала, то шла, чтобы перевести духъ, когда дыханіе захватывало у нея въ груди... Она и оглянуться боялась назадъ. А ну какъ онъ по вчерашнему палить начнетъ,—кто его тамъ знаетъ!..

Оня бѣжала долго, не помня себя, и, когда внезапно гдѣ-то вдали она разслышала веселый задорный лай Шарика,—она закричала раздирающимъ душу голосомъ:

— Дѣдушка, дѣдушка!..

Потомъ бросилась на землю и дала волю слезамъ...

Шарикъ подбѣжалъ, — обнюхиваетъ ее, норовить ей лицо лизнуть; она плачетъ и всѣмъ тѣломъ отъ рыданій вздрагиваетъ.

Подошелъ дѣдъ Назаръ, поднялъ ее, утеръ ладонью слезы.

— Господи, Ты, Боже мой, — шепчетъ, — да что съ тобой, внучка?..

А Оня и слова вымолвить не можетъ, — машетъ только рукой, — показываетъ въ ту сторону, гдѣ ихъ сторожка лѣсная стоитъ... Насилу, насилу собралась съ духомъ.

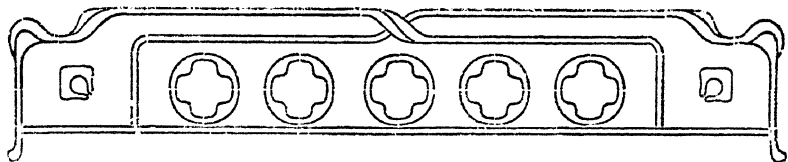
— Иди скорѣе, дѣдушка... Я его тамъ въ избѣ заперла...

— Да кого, Онюшка? Кого, глупая?..

— А нѣмца этого самаго... Долговязый такой, да сѣрый, въ родѣ какъ журавель будетъ!.. Тамъ онъ у меня и сидитъ. Я и дверь-то за нимъ коломъ приперла... не уйдетъ теперь, не нагонитъ меня!..

Вотъ какъ Оня нѣмецкаго летчика въ плѣнъ забрала...

СЕРДЦЕМЪ ЧУТКАЯ.

СЛУХЪ о приближеніи германскихъ войскъ переполошилъ все селеніе Субфорэ, и остававшіеся въ ней старики, женщины и дѣти стали спѣшно укладываться и готовиться къ бѣгству.

Все потеряли голову, и мало кому было дѣла до другихъ,—каждый думалъ о себѣ и о самыхъ близкихъ людяхъ.

Маленькая Жанна, больше чѣмъ когда-нибудь, остро почувствовала свое спротивленіе въ эти тревожные дни. Ужъ на нее-то и подавно теперь никто вниманія не обращалъ, и она яснѣе и больнѣе, чѣмъ когда-либо, сознавала,—насколько она была чужда всеѣмъ и не нужна никому...

Положимъ, можно было давно привыкнуть къ этому: вѣдь Жанна съ малыхъ лѣтъ была предоставлена сама себѣ и всегда держалась поодаль отъ своихъ сверстницъ. Да какъ ни привы-

кай къ этому, а въ тяжелыя минуты жизни все-таки острая боль отзывается въ плохо зажившей ранѣ...

Она видѣла теперь, какъ вокругъ нея все въ поселкѣ тревожились о дѣтяхъ и хлопотали, только бы спасти ихъ. И скорбь послѣдній бросали, лишь бы поскорѣе уйти отъ напасти съ дѣтьми...

Тяжело было видѣть это Жаннѣ и завидно...

Тетка Бошэ, у которой Жанна жила изъ милости и исполняла всякую черную работу,—п та, когда жители Субфорэ стали спѣшно собираться въ дорогу,—сказала Жаннѣ:

— Ну, мнѣ теперь съ тобой нянчиться нѣтъ времени. И кормить тебя нечѣмъ. Дай Богъ—только самой съ голоду не пропасть. Ужъ ты какъ-нибудь о себѣ сама подумай!..

Она сунула ей въ руку пару черныхъ лепешекъ и отвернулась...

И Жаннѣ стало обидно и тяжело: ее точно оттолкнулъ отъ себя прочь единственный человекъ, на котораго она могла еще надѣяться...

— Я останусь здѣсь, тетя Бошэ,—сказала Жанна.—Вѣдь не все выбрались отсюда. Можетъ быть, еще ничего дурного и не будетъ.

— Ну, какъ знаешь!..

Съ утра потянулись по дорогѣ изъ Субфорѣ безпорядочныя толпы бѣглецовъ, вереница повозокъ, нагруженныхъ разнымъ хламомъ, поверхъ котораго сидѣли маленькія дѣти...

Жанна спокойно провожала ихъ взглядомъ. Она была особенно возбуждена и бодро настроена. Ей казалось страннымъ, что взрослые люди, которыхъ она всегда боялась больше огня, и которые, въ свою очередь, никогда ничего не боялись,—теперь вдругъ поспѣшно снялись съ мѣстъ, бросили свои дома и бѣгутъ, бѣгутъ прочь,—а она, Жанна, осталась на своемъ мѣстѣ и вотъ рѣшительно ничего не боится. Она чувствовала какую-то отвагу и не могла себѣ представить, чтобы что-нибудь могло смутить ее...

Въ двухъ, трехъ домахъ запоздавшія крестьянки еще укладывали свои пожитки, и Жанна пошла къ одной изъ нихъ, вдовѣ Франсуазѣ, помочь укладываться.

Франсуаза была совсѣмъ больна и черезъ силу поднялась съ постели, чтобы собраться въ путь. Она бы не двинулась съ мѣста, если бы не ея маленькій сынъ, Жакъ, за жизнь котораго она страшилась больше всего.

— Ахъ, милая Жаннеточка—сказала она дѣ-

вочкѣ, — вотъ-то хорошо, что ты пришла помочь мнѣ. Уберемся и уѣдемъ отсюда вмѣстѣ...

Жанна стала помогать ей, и онѣ провозились далеко за полночь. Потомъ закусили, чѣмъ попало и легли спать. А съ утра стали готовиться къ бѣгству... Все уже было готово, и онѣ выходили на улицу, когда вдругъ гдѣ-то вдали послышался короткій, отрывистый залпъ, — и Франсуаза мертвенно поблѣднѣла.

— Боже мой! — прошептала она, — неужели уже поздно.

Жанна выбѣжала на улицу. По дорогѣ вдали клубилась пыль, слышались голоса, топотъ лошадей, отдѣльные выстрѣлы... И, нѣсколько минутъ спустя, небольшой кавалерійскій отрядъ проскакалъ во весь опоръ черезъ опустѣвшее селенье...

Жанна бросилась назадъ.

— Тетя Франсуаза... Это проскакали наши!.. — крикнула она.

— А, навѣрно, за ними гонятся эти звѣри — пруссаки!.. Скорѣе, бери вотъ этотъ узелъ, а я возьму Жака, — мы скроемся огородами...

Онѣ выбѣжали на улицу, пробрались переулкомъ къ огородамъ и виноградникамъ и побѣжали, спотыкаясь на грядкахъ.

— Скорѣе!.. скорѣе!.. — кричала охрипшимъ голосомъ Франсуаза. — Вонъ они подъѣзжаютъ...

Почти тотчасъ же раздались короткіе выстрѣлы—и Франсуаза пошатнулась и упала на землю. Жанна съ испуга тоже не удержалась на ногахъ... Она упала и закрыла лицо рукой...

Она слышала отрывистый галопъ скачущихъ лошадей, крики и выстрѣлы... Потомъ топотъ сталъ стихать, и выстрѣлы раздавались глуше...

Она подняла голову, присѣла на землѣ; Жакъ сидѣлъ около матери и готовился горько заплакать.

Жанна тронула Франсуазу за плечо. Та не двигалась.

Тогда Жанна подхватила мальчика на руки, несмотря на то, что тотъ сталъ кричать и отбиваться отъ нея, и бросилась бѣжать черезъ виноградникъ къ близко лежавшему отъ Субфоре-лѣсу...

Она задыхалась, ноги у нея подкашивались отъ усталости, но она точно забыла про все, и думала только объ одномъ,—что ей надо, во что бы то ни стало, добраться до лѣса, гдѣ они будутъ спасены...

Въ лѣсу было тихо, спокойно и такъ хорошо.

что Жанна, добѣжавъ до опушки, остановилась и полной грудью вздохнула свѣжимъ воздухомъ.

— Не плачь, Жакъ, мой милый!..—сказала она мальчику,—я спрячу тебя въ лѣсу, побѣгу за мамой и приведу ее сюда. Слышишь?..

Мальчикъ затихъ и крѣпко прижался къ ней, и отъ этого ей стало еще болѣе жаль его... Она поняла, что сейчасъ передъ ней было существо, участь котораго была въ ея рукахъ. Безъ нея онъ былъ бы беспомощенъ и несчастенъ,—и въ сердцѣ ея пробудилась какая-то особенная жалость и состраданіе къ нему, какъ-будто въ немъ она видѣла себя самое и свою беспомощность...

Жанна пробралась по хорошо знакомымъ ей лѣснымъ тропинкамъ въ широкій оврагъ, гдѣ были нарыты глубокія пещеры, изъ которыхъ крестьяне брали песокъ, облюбовала одну изъ пещеръ въ откосѣ оврага и усадила въ ней Жака. Она выложила на землю двѣ лепешки и нѣсколько грушъ, захваченныхъ изъ дому, и сѣла около него рядомъ.

Кругомъ было тихо-тихо,—и въ ушахъ раздавался только однообразный, успокаивающій и усыпляющій шелестъ густой листвы отъ ласково струившагося вѣтра...

Жакъ принялся за лепешку, а Жанна сѣла

около него и все прислушивалась. Понемногу она успокоилась и стала серьезно обдумывать ихъ положеніе.

У нея явилась настоящая потребность куда-то бѣжать, что-то дѣлать...

— Слушай, Жакъ,—сказала она, наконецъ,—сиди здѣсь умникомъ и никуда не вылѣзай. Слышишь? Я сбѣгаю домой, приведу маму, и тогда все будетъ хорошо. Ты будешь умницей?

Жакъ довѣрчиво посмотрѣлъ на дѣвочку и отвѣтилъ:

— Хорошо... Приходи только скорѣе!..

— Конечно!..

Она встала и быстро пошла изъ оврага...

Но стоило ей пройти нѣсколько сажень по рощѣ,—какъ она сразу замѣтила, что въ рощѣ творится что-то неладное...

Всегда тихая, спокойная, точно задумчивая,—теперь она, казалось, жила какой-то лихорадочной жизнью и трепетала каждой вѣточкой.

Перекликались чьи-то голоса, между деревьями мелькали люди. Роща была занята французскими стрѣлками, которые передвигались по разнымъ направленіямъ: то продвигались впередъ, къ опушкѣ рощи,—то отступали въ глубь ея...

Если бы Жанна была одна,—она не без-

покоилась бы такъ, какъ теперь... На минуту она остановилась въ нерѣшительности,—не вернуться ли назадъ. Но потомъ передумала и пошла впередъ твердыми шагами. Она уже подходила къ самой опушкѣ, какъ вдругъ наткнулась на лежавшаго въ секретѣ солдата...

— Куда ты лѣзешь?..—грубо заворчалъ онъ на нее.—Пошла назадъ!.. Убьютъ!..

— Мнѣ надо въ Субфорэ,—сказала Жанна.

— Глупая дѣвчонка,—сказалъ солдатъ,—мы оттуда-то и ждемъ наступленія,—а она хочетъ итти навстрѣчу пруссакамъ!..

Жанна остановилась и задумалась.

— А вы навѣрно знаете, что они пойдутъ оттуда?—спросила она.—Хотите, я влѣзу вонъ на этотъ крайній дубъ и посмотрю,—не идутъ ли они, и откуда. Съ дерева видно далеко, очень далеко...

— Молодецъ дѣвчонка!..—сказалъ солдатъ, добродушно глядя на Жанну.—Это дѣло!..

Нѣсколько другихъ стрѣлковъ подползли къ нимъ и съ любопытствомъ разглядывали дѣвочку.

— Ты хорошо знаешь эти мѣста?..—спросили они.

— О, отлично!.. Я сейчасъ все осматриваю...

Жанна перебѣжала къ крайнему дубу, стоявшему на самой опушкѣ, и проворно стала карабкаться съ вѣтви на вѣтвь. Наконецъ, она исчезла въ зелени и затихла.

Нѣсколько минутъ спустя, она опустилась на нижнія вѣтви и крикнула:

— Солдаты идутъ сюда,—но только ждите ихъ вонъ изъ-за того уголка роши. Слышите?

— Много ихъ?—спросили стрѣлки.

— Нѣтъ, немного... А около рѣки ихъ пропасть... Но это далеко,—около двухъ лье.

— Правду ли ты говоришь, дѣвочка?..

— Господи! Зачѣмъ же я стану лгать, господинъ сержантъ?.. И знаете что? Влѣзайте-ка вы всѣ на деревья... Васъ не будетъ замѣтно за листвою, а вы будете видѣть ихъ... И тогда дѣлайте, что хотите!..

— Bravo!..—крикнулъ солдатъ,—вотъ это будетъ ловкая штука!.. Дюкло,—обратился онъ къ молодому солдату,—бѣги къ капитану Дюшанелю и доложи ему, что мы встрѣтимъ нѣмцевъ здѣсь, но что другая ихъ часть идетъ въ обходъ лѣса! Слышишь?

— Слушаю, сержантъ!..

Молодой солдатъ скрылся между кустами. А,

между тѣмъ, солдаты стали торопливо карабкаться на деревья...

Передъ Жанной, какъ наяву, была Франсуаза, настигнутая непріятельскою пулей, и досада, и злоба на этихъ людей душили ее. Она съ нетерпѣніемъ ожидала, какъ французскіе солдаты сейчасъ будутъ справляться съ этими насильниками, изъ-за которыхъ поднялось на всѣхъ такое лютое горе...

— Идутъ, идутъ!..—слабо крикнула Жанна солдату, который взобрался на одно съ нею дерево.—Вонъ они, совсѣмъ уже близко!..

На опушкѣ, дѣйствительно, показался небольшой отрядъ нѣмецкихъ солдатъ. Они остановились, подняли ружья и дали залпъ. Молчаніе было имъ отвѣтомъ. Тогда они осмѣлѣли и, все еще держа ружья наготовѣ, — двинулись въ лѣсъ. Но когда они вступили подъ тѣнистые своды столѣтнихъ дубовъ, — внезапно гдѣ-то наверху, надъ ихъ головами раздалась трескотня выстрѣловъ, — и солдаты стали падать одинъ за другимъ, не понимая, въ чемъ дѣло...

Жанна видѣла, какъ одинъ изъ нихъ, почти подъ ихъ дубомъ, вдругъ схватился за грудь и повалился навзничъ. Она ясно увидѣла его поблѣднѣвшее страдальческое лицо, кровь на гру-

ди, — и вдругъ ей стало страшно, — какой-то ужасъ мучительно сжалъ ей сердце, и слезы клубкомъ подкатили къ самому горлу.

— Не надо!.. Зачѣмъ это?.. Ахъ, зачѣмъ?.. Боже мой, Боже мой!.. Какой ужасъ!..

И это сдѣлала она, — она научила солдатъ встрѣтить такъ подступающихъ непріятелей...

Въ эту минуту одинъ изъ нѣмцевъ, подбѣжавъ къ ихъ дубу, поднялъ голову, замѣтилъ ея синее платье, поднялъ ружье и выстрѣлилъ вверхъ... Пуля просвистала мимо Жанны. Тогда она стала карабкаться выше, скрываясь за листвою. Нѣсколько пуль пролетѣло вверхъ, сшибая листья и ломая сучья.

Сосѣднее дерево росло совсѣмъ почти рядомъ, и сучья ихъ переплетались между собою. Дрожа всѣмъ тѣломъ, Жанна ловко перебралась по нимъ на другое дерево и тамъ прижалась къ стволу вплотную...

Выстрѣлы стали отдаляться; голоса раздавались гдѣ-то въ сторонѣ. Потомъ слышался отдаленный гулъ нѣсколькихъ сотъ голосовъ, отдѣльные крики ужаса и топотъ бѣгущихъ людей, трескъ вѣтвей кустарника. Будто вихрь пронесся по лѣсу...

Жанна стала спускаться все ниже и ниже.

Съ послѣдней вѣтки она глянула внизъ, — тамъ никого не было.

Она спрыгнула на землю и приникла къ землѣ. Гулъ голосовъ раздавался далеко-далеко. Она прислушалась къ нему и, наконецъ, поднялась съ земли.

Въ этой части лѣса было какъ-то особенно тихо по сравненію съ гуломъ и ружейной пальбой въ отдаленіи, — и чуткое ухо ея услышало чей-то хрипъ и стоны... Она, робко переступая ногамп, пошла на этотъ голосъ.

Это былъ тотъ самый стрѣлокъ, котораго она встрѣтила перваго около дуба. Онъ лежалъ ничкомъ, подвернувъ голову. Она напрягла всѣ силы и повернула его лицомъ вверхъ, на спину.

Онъ посмотрѣлъ на нее и застоналъ. Все лицо его было въ крови. Жанна дрожащими руками расколола платокъ на груди, сняла его и стала обвязывать ему голову, не давая отчета, что она дѣлаетъ. Ей только хотѣлось скрыть эту кровь, чтобы не было видно ея.

— У меня во фляжкѣ... вода... Отстегни и дай мнѣ выпить, — прошепталъ онъ.

Жанна поспѣшно отстегнула фляжку и дала ему выпить нѣсколько глотковъ. Онъ закрылъ

глаза и долгое время лежалъ безъ движенія, а Жанна сидѣла надъ нимъ и, забывъ обо всемъ на свѣтѣ, смотрѣла на него широко раскрытыми отъ ужаса глазами.

Она сидѣла долго, не двигаясь,—ей страшно было уйти отъ раненаго; жалко было его,—хотя все время передъ ея глазами ясно вырисовывалось охваченное ужасомъ лицо того, перваго, увидѣннаго ею, раненаго солдата-нѣмца.

Какая-то тѣнь мелькнула мимо нея. Она вздрогнула. Это была развѣдочная собака.

Собака обнюхала ее, потомъ—лежавшаго раненаго и вдругъ громко радостно залаяла.

Жанна хотѣла ее отогнать,—собака заворчала на нее, отбѣжала въ сторону и опять залаяла...

Черезъ нѣсколько минутъ изъ-за кустовъ показались солдаты. Они подошли къ лежавшему около Жанны стрѣлку.

— Что, живъ онъ?—спросили они ее.

— Да, живъ. Я перевязала ему голову.

— Откуда ты?

— Изъ Субфорэ...

Солдаты развязали платокъ, брызнули водой на лицо. Раненый открылъ глаза, сталъ приподниматься.

— Донесемъ на рукахъ,—сказалъ одинъ солдатъ другому, — садись и обхвати насъ за шею,—обратился онъ къ раненому.

Когда они двинулись,—раненый сказалъ:

— Эта дѣвочка... оказала услугу нашему отряду. Не отпускайте ее отъ себя. Если бы не она,—насъ бы обошли съ тыла. А теперь побѣда за нами!..

Когда санитары подошли къ перевязочному пункту и опустили раненаго на носилки,—онъ оглянулся и спросилъ:

— А гдѣ же она?.. Эта дѣвочка?..

— Кто ее знаетъ,—она куда-то убѣжала...

А Жанна тѣмъ временемъ пробралась въ оврагъ, къ песочной пещерѣ, гдѣ маленький Жакъ мирно спалъ, свернувшись комочкомъ,—сѣла около него, закрыла лицо обѣими руками и горько-горько плакала...

— Что я надѣлала... Что я надѣлала, Боже мой!.. Какой ужасъ!.. И зачѣмъ все это, зачѣмъ?.. Какое несчастіе... Какой ужасъ!..

Въ лѣсу стемнѣло; наступила ночь. Мягкій, зеленоватый, таинственный свѣтъ полной луны струился между листвою и стволами и яркими пятнами ложился на травѣ.

Жанна встала, сняла съ себя платокъ и укрыла имъ спящаго мальчика. Потомъ прислушалась и быстрыми, ровными шагами пошла къ лѣсной опушкѣ. Все въ ней было напряжено, какой-то холодъ словно сковаль ея, и твердая рѣшимость пробудилась въ ея сердцѣ. Она слишкомъ близко, лицомъ къ лицу видѣла смерть, и теперь она была уже не та, прежняя, робкая, нерѣшительная Жанна. Теперь она не боялась ничего...

Она вышла изъ лѣсу, пересѣкла сжатое поле, пробралась къ виноградникамъ и долго искала повсюду несчастную Франсуазу. Она нашла ее, наконецъ, на улицѣ, куда бѣдная женщина добралась ползкомъ, ослабѣвъ отъ потери крови. Она была ранена сзади въ плечо.

Увидѣвъ Жанну, она вся затрепетала, схватила ее за руки и спросила:

— А Жакъ? Гдѣ онъ?..

— Успокойтесь, тетя Франсуаза... Онъ спитъ...

— Благослови тебя, Господь, Жаннеточка!— прошептала Франсуаза,—я и не знала, что ты такая славная...

И она слабой рукой привлекла къ себѣ Жанну и поцѣловала ее сухими губами. И что-то

мучительно сладкое сжало сердце бѣдной Жанны, и слезы подступили ей къ горлу.

— Ты будешь со мной жить, съ моимъ Жакомъ, Жанна,—пронеси только. Господь, эту грозу!..

Жанна не выдержала,—заплакала отъ счастья...

— Можешь ли ты перевязать мнѣ плечо, моя дѣвочка?..

Жанна, какъ могла, перевязала ей рану, дала выпить измученной женщинѣ воды, умыла ей лицо...

— Ну, пойдѣмъ,—сказала Франсуаза,—я хочу видѣть его... Какъ бы съ нимъ тамъ не было какой бѣды...

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Тамъ уже теперь никого нѣтъ, и Жакъ, вѣроятно, спокойно спитъ въ своей пещеркѣ!—сказала Жанна.—Идемте, пожалуй!..

Маленькій Жакъ сладко спалъ, согрѣвшись подъ платкомъ Жанны, въ пещерѣ, когда Жанна и Франсуаза пробрались въ лѣсъ...

Франсуаза бросилась на колѣни передъ нимъ, но не рѣшалась обнять и разбудить его. Полными слезъ глазами она смотрѣла на него... А когда мальчикъ вдругъ повернулся во снѣ и

чмокнулъ губами,—онъ почувствовалъ, что кто-то осторожно обнялъ его и нѣжно поцѣловалъ его въ лобъ...

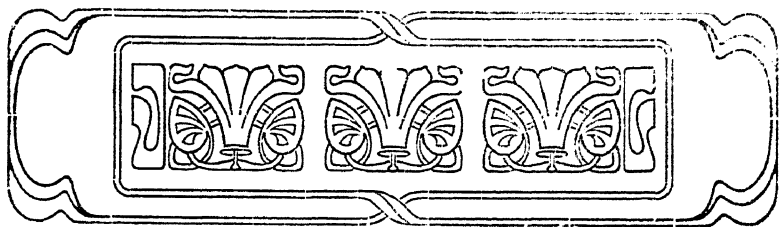
Мальчикъ улыбнулся во снѣ, съежился въ комочекъ и прижался безсознательно къ той, которая была теперь снова счастлива, несмотря на всѣ бѣдствія и испытанія...

Франсуаза подняла глаза на Жанну и только сказала:

— Спасибо тебѣ, моя милая дѣточка!.. Я тебя не оставлю никогда, какъ и его...

Жанна бросилась къ Франсуазѣ и прижалась къ ней всѣмъ тѣломъ...

ЕГО ЖЕРТВА.

ДѢДУШКА Жермень прожилъ на своемъ вѣку семьдесятъ лѣтъ и всю жизнь занимался мукомольнымъ дѣломъ... И дѣдъ его мельникомъ былъ, и отецъ, — ну, и онъ пошелъ по ихъ слѣдамъ. Это лучше всего, когда человѣкъ держится чего-нибудь одного, и всегда самъ при своемъ дѣлѣ. Эге!.. Дѣдушка Жермень до тонкости изучилъ это дѣло, — правда, оно не больно хитрое, а все-таки надо знать и любить его, чтобы и помольщикамъ угодить, и себя не обидѣть...

Да, вонъ частенько слышишь, — то на того мельника жалуются, то другого упрекаютъ въ недобросовѣстности. А кто смѣетъ сказать слово противъ дѣдушки Жермена?.. У того и языкъ

отсохнеть, кто что недоброе выболтаеть, — потому что тогда языкъ будетъ неправду говорить...

Дѣдушка Жерменъ самъ выстроилъ эту мельницу, когда онъ былъ уже въ лѣтахъ; и выстроилъ для единственнаго сына, которому хотѣлъ передать ее передъ смертью. Но только парень не дождался наслѣдства и умеръ, — и дѣдушка Жерменъ остался одинъ-одинѣшенекъ на своей мельницѣ и всю любовь свою перенесъ на нее... Ужъ такъ любилъ ее дѣдушка Жерменъ, какъ-будто мельница была живымъ существомъ.

Жили съ дѣдушкой Жерменомъ на мельницѣ — работникъ, славный малый, Фирменъ, и дѣвочка-стряпушка Франсуаза, — и они у него завѣдывали всѣмъ дѣломъ. А дѣдушка Жерменъ былъ въ родѣ главнаго командира...

Однажды лѣтомъ вышелъ застой въ работѣ... Кто ихъ знаетъ, почему, — только и день нѣтъ помольцевъ, и два, и три... Этого ужъ и не бывало никогда. Дѣдушка Жерменъ недоумѣвалъ и все выходилъ на дорогу и пристально всматривался вдаль, — не ѣдетъ ли кто-нибудь къ нему. Да только напрасно... Нѣтъ и нѣтъ никого!..

Вернулся на мельницу, пошелъ по ѣлковать

съ Фирменомъ. Что такое?.. Объявлена война?.. Ну, да, такъ онъ этому и повѣритъ!.. Нѣмцыи дуть сюда?.. Съ какой стати?.. Этотъ Фирмень вѣчно все путаетъ,—слушаетъ однимъ краемъ уха,—а самъ потомъ добавляетъ отъ себя недослушанное!..

Однако, Фирмень клялся и божился, что на этотъ разъ онъ слушалъ очень внимательно, что толковали въ сосѣднихъ деревняхъ, и самъ видѣлъ, какъ комиссаръ прѣзжалъ собирать народъ въ солдаты...

Конечно, Фирмень могъ видѣть все это во снѣ,—и тревогу бить, пожалуй, рано...

Однако, дѣдушка Жермень легъ спать въ этотъ вечеръ не вполне спокойный!.. Ему припомнилась былая война съ этими же нѣмцами. Онъ самъ тогда сколько разъ въ дѣлѣ участвовалъ. Охъ, и тяжело же тогда досталось французскимъ солдатамъ отъ ненавистныхъ пруссаковъ... Но послѣ этого все пошло гладко... А теперь, значить, опять за старое?..

Слѣдующій день принесъ новыя вѣсти, — и вѣсти тревожныя. Зашелъ на мельницу прохожій, — и дѣдушка, конечно, разговорился съ нимъ.

Оказалось, что у Фирмена на этотъ разъ уши были на мѣстѣ,—и онъ передалъ дѣдушкѣ

Жермену правду... Война уже началась, и кто знаетъ, можетъ быть, въ скоромъ времени нѣмцы перейдутъ французскую границу, и начнется общее бѣдствіе...

Старикъ вдругъ обидѣлся и разсердился.

Да это Богъ знаетъ, что такое?.. Чего думаетъ ихъ правительство съ президентомъ во главѣ?.. Опять разореніе всей странѣ!.. А хочетъ ли этого народъ? Хочетъ ли этого дѣдушка Жермень? Спрашивали ли у него объ этомъ?..

Что?.. онъ долженъ мириться и принести жертву?.. Онъ всю жизнь бился, копилъ деньгу по грошамъ,—а теперь изволь подставлять все подъ пушечное ядро?.. Нѣтъ онъ этого не желаетъ!..

И дѣдушка Жермень стукнулъ кулакомъ по столу отъ досады...

Вечеромъ того же дня къ мельницѣ подъѣхалъ развѣдочный отрядъ и сталъ разспрашивать выбѣжавшаго поглазѣть на солдатъ Фирмена о дорогѣ.

Дѣдушка Жермень непріязненно слушалъ, что говорили солдаты,—и вдругъ сердце его замерло, и ему стало тяжело и тоскливо. Онъ подошелъ къ отряду и обратился къ одному изъ солдатъ:

— Что такое?.. Вы говорите,—они перешли нашу границу?..

— Да, да...—сказалъ солдатъ,—выжгли деревни и идутъ дальше. Но, извините,—я не смѣю рассказывать подробно... До свиданія...

На утро слова солдата подтвердились, потому что мимо мельницы по дорогѣ потянулась огромная толпа бѣглецовъ, которые несли на себѣ узлы со своими скудными пожитками,—и женщины, и старики, и дѣти, двигались вереницы повозокъ, нагруженныхъ домашней утварью. И вся эта безпорядочная толпа шла вразбродъ, какъ попало, шумно крича что-то, а женщины и дѣти громко плакали, и стонали, такъ что сердце могло лопнуть въ груди отъ ихъ стоновъ и криковъ...

И дѣдушка Жерменъ понялъ, въ чемъ дѣло. Ему смутно представилось, что онъ снова перенесся въ то давно прошедшее время, когда уже разъ онъ переживалъ всѣ подобные ужасы... И ему стало страшно горько и обидно, и когда онъ ушелъ къ себѣ на мельницу,—онъ сѣлъ у окна и горько заплакалъ, какъ маленькій ребенокъ...

Ну, что жъ, онъ тутъ и умретъ,—но мельницу не покинетъ и будетъ защищать ее до послѣдней степени...

Время, мучительное, тревожное, — тянулось медленно, медленно... Каждый день, казалось,

удваивался, а ночи бывали безконечными и еще болѣе ужасными, чѣмъ дни, потому что по ночамъ темное небо то тамъ, то сямъ озарялось зловѣщимъ заревомъ пожаровъ... Иногда откуда-то издалека доносилась глухая отрывистая кононада, — и тогда земля какъ-будто гудѣла, а старая мельница пугливо вздрагивала. Порой надъ мельницей раздавались странные стрекочущіе звуки, и маленькая Франсуаза кричала:

— Дѣдушка Жермень, — летятъ!.. Смотри, какъ-будто стрекозочка!..

Съ какой жалостью, съ какой грустью смотрѣлъ старикъ на свою мельницу. Лучше бы ему было умереть раньше и не дожить до этого ужаснаго времени!..

Какъ-то на зарѣ, когда солнце садилось въ большую грозовую тучу, Фирмень-ротозѣй, который отъ бездѣлья шатался по цѣлымъ днямъ по окрестностямъ, — прибѣжалъ на мельницу и крикнулъ:

— Дѣдушка Жермень, какіе нарядные солдаты къ намъ идутъ!.. Всѣ въ золотѣ, и хвосты на головахъ!..

Дѣдушка Жермень нехотя вышелъ на улицу... Передъ его мельницей остановилась, дѣйствительно, блестящая кавалькада, — это былъ генералъ, со своей свитой...

Они долго о чемъ-то разговаривали между собой и все указывали на мельницу. Потомъ одинъ адъютантъ отдѣлился отъ свиты и подъѣхалъ къ дѣдушкѣ Жермену.

— Это ваша мельница, старина?

— Да,—сказалъ дѣдушка Жермень съ гордостью...

— Вотъ видите ли, она будетъ мѣшать передвиженію войскъ, и ее надо снести. Да, кромѣ того, передвиженіе войска начнется нынче ночью,—и было бы очень хорошо, если бы вы подожгли ее, именно, сегодня около полуночи... По пламени мы могли бы держать вѣрное направленіе... Понимаете?... Оно укажетъ намъ, куда надо итти навѣрняка, чтобы встрѣтиться съ прусскими войсками...

— Такъ,—сказалъ старикъ,—понимаю, мосье!..

— Вамъ заплатятъ за все... за вашу жертву,—добавилъ офицеръ...

— Нѣтъ!..—сказалъ дѣдушка Жермень, сердито трясая головой.

— Что—„нѣтъ“?..

— Не надо!..—угрюмо повторилъ старикъ.— Я сдѣлаю, что надо,—а остальное—мое дѣло!.. Это будетъ моя доля—въ общемъ дѣлѣ!.. Да!..

— Благодарю васъ!.. я доложу о васъ генералу...

Дѣдушка Жерменъ повернулся и ушелъ къ себѣ на мельницу...

Когда генераль со своей свитой удалились отъ мельницы,—старикъ позвалъ къ себѣ Фирмена и Франсуазу, досталъ счеты, долго считалъ что-то и, наконецъ, отсчитывая имъ деньги сказалъ:

— Вотъ вамъ расчетъ... И за мѣсяцъ впередъ... Больше я васъ держать не буду!.. Собирайтесь и уходите скорѣе отсюда... Видно, дѣло тутъ не шуточное будетъ,—такъ уносите ноги по-добру, по-здорову...

— А вы-то какъ же, отецъ Жерменъ?—закнулъ, было, Фирменъ.

— Какъ? И я—тоже!.. Что же мнѣ тутъ дѣлать?.. Только я уйду попозже...

Фирменъ и Франсуаза, плача и всхлипывая, пошли собирать свои пожитки, наскоро увязали, что могли, и вышли на дорогу, съ узлами за спиной...

Дѣдушка Жерменъ, оставшись одинъ, сѣлъ у себя въ комнатѣ, стиснулъ голову руками и тяжело задумался... Думалъ ли онъ о прошломъ, о томъ, что творилось сейчасъ, молился ли онъ,—кто знаетъ,—но по щекамъ его медленно скользили слеза за слезой на длинную сѣдую бороду,

п онъ не вытиралъ ихъ.—словно не замѣчать ничего...

Когда стемнѣло, онъ зажегъ свѣчу въ фонарѣ; потомъ сталъ носить со двора охапки соломы, одну за другой и набивать ею каждый уголь, стараясь класть ее такъ, чтобы она лежала не плотно, а пышнѣе. И когда вся комната была набита соломой,—онъ вынулъ свѣчу и дрожащей рукой досталъ пукъ лучинъ, зажегъ ихъ и старательно подсунулъ подъ солому...

Онъ смотрѣлъ нѣкоторое время, какъ огонь, словно обрадовавшись, скользнулъ по соломенкамъ вправо, влѣво, вверхъ и, окутываясь густымъ дымомъ, внезапно выбился языкомъ изъ-подъ соломы, и затѣмъ сталъ разливаться во всѣ стороны, все больше и больше окутываясь густымъ дымомъ...

Дѣдушка Жермень молча повернулся и вышелъ на дворъ. Тамъ въ углу лежалъ еще ворохъ соломы; онъ заодно сунулъ свѣчку и подъ нее и, не дожидаясь, пока солома разгорится,—вышелъ въ послѣдній разъ изъ воротъ и затворилъ ихъ за собой...

Онъ отошелъ немного въ сторону, къ дорогѣ, опустилсѣ на траву и, не отрывая глазъ, смотрѣлъ на окутанную ночнымъ мракомъ темную,

тяжелую громаду мельницы... Онъ смотрѣлъ мутными отъ слезъ глазами на то, какъ сквозь щели и пазы между бревнами острыми, тонкими линіями просвѣчивало пламя, какъ трепетавшіе, первые языки огня выбивались изъ оконъ и изъ-подъ крыши навѣса надъ дворомъ...

Внутри мельницы глухо гудѣло отъ разгоравшагося огня, трещало сухое дерево, сдерживая напоръ быстро разгоравшагося пламени... Вонъ оно уже подобралось къ самой крышѣ,—и выбивается на волю черезъ щели—ярко ослѣпительное, какъ расплавленное золото на черномъ фонѣ ночного неба...

Старикъ все сидѣлъ и смотрѣлъ, а губы его шептали чуть слышно:

— Это—моя доля въ общемъ дѣлѣ!.. Такъ и надо... Сперва они, а теперь и мой чередъ... Такъ и надо... Такъ и надо!..

